Автобиография

Россия, 1999 год.

Сегодня – сочельник. Время гаданий, визитов гостей и «посиделок» до глубокой ночи. Новогодние игрушки мерцают в пламени свечей, тихая музыка, на улице – радостные возгласы и песни, мягкий снег … Сочельник – самое таинственное время, когда жители другого мира приходят, чтобы рассказать нам правду о настоящем и будущем, открыть нам глаза и, может быть, помочь…
Я верю, всегда верил, что в этот тихий вечер они приходят, чтобы наставить нас, неразумных, направить наши мысли в новое русло, помочь увидеть возможности, которые нам по слепоте духовной не видны, – так понимал я сочельник с самого детства.
Вот и в этот раз, ближе к вечеру, мысли о том, как же найти подходящий способ общения с душами предков или их друзей (не в одиночестве же они там находятся!), занимали мою голову.
Интуиция подсказывала мне, что вечер будет неожиданный и удивительный; нечто манило меня и обещало что-то совершенно необычное, но с кем разделить эту радость, кто составит мне компанию? От такой компании зависело практически всё: ведь предки приходят не к одному человеку, а к группе людей, и, если кто-то им не понравится, они могут никак не проявить своего присутствия, а то и вовсе обидеться, и тогда ничего хорошего не жди…
Я решил напроситься в гости к маме моей давней знакомой. Когда-то мы вместе с этой знакомой занимались Ци-гуном, и с тех пор у нас остались хорошие, дружеские отношения. Мама же её обладала удивительной силой: она могла исцелять даже совершенно безнадёжных больных, в чём я имел возможность убедиться, и не раз. Будучи образованной женщиной, проработав много лет в школе учителем рисования, она теперь находилась дома (благо, муж зарабатывал хорошо) и занималась тем, что ей больше всего в жизни нравилось, – лечением, гаданиями, чтением (у неё была богатейшая библиотека!). К ней приходили люди со своими бедами и радостями, поэтому попасть к ней было не так уж просто. Но я был - сам не знаю почему - уверен в том, что сегодня – мой день и у меня всё получится.
Я не ошибся. Почему-то она была одна и после непродолжительных переговоров по телефону согласилась меня принять.
Жили мы рядом, и через 10 минут я был у неё.
- Ну что, Глебушка, как гадать будем?
Вопрос был скорее риторическим, и я прекрасно знал на него ответ по той простой причине, что не собирался ничего придумывать и предлагать.
- Как скажете, Елена Ивановна, на ваше усмотрение. Вы же знаете, я во всём полагаюсь на ваши опыт и знания.
Она улыбнулась, несколько секунд подумала и, не говоря ни слова, стала готовиться.
Я ожидал чего-то необычного, ведь у неё был богатейший выбор различных способов проведения таинства и, главное, – опыт, но в этот раз она не стала особо озадачиваться, достала старый лист ватмана с буквами по кругу, блюдце и свечи.
Я никогда не участвовал в спиритических сеансах, хотя видел, как моя мама проводила их изредка с подругами. Духи лгали и глумились над женщинами, но вечер скрашивался.
Но в случае с Еленой Ивановной я был уверен: всё будет правдиво. Ей всегда удавалось так настроиться, что будущее во всей правдивости и цельности открывалось в её присутствии и сбывалось в точности. Всё-таки всё зависит от человека, от его воли, а не от способа сообщения - так думал я.
Как показало время, я оказался прав.

Россия, январь 1999 года

Мы положили руки на блюдце.
Я не ждал ничего, кончиками пальцев лишь едва-едва касаясь той части блюдца, которая обычно стоит на столе. Я видел, что и Елена Ивановна также едва касается его.
Мы ждали несколько секунд, и тут блюдце вдруг «стартануло» и резко дёрнулось. Я убрал руку из опасения: мне показалось необычным, что оно САМО дёрнулось, ведь я его едва касался, да и Елена Ивановна тоже. Она улыбнулась, кивнула, и я опять дотронулся до блюдца. И тут же оно ринулось

в какой-то невообразимый танец. Оно стало буквально летать от буквы к букве, как неугомонное. Елена Ивановна читала буквы, складывала их в слова и фразы, и вот уже вполне осмысленный текст появился передо мною:
- Рад вас видеть.
Я удивился. Некто неощутимый и неосязаемый рад меня видеть... С чего бы это? И кто этот «некто»?
- Кто ты, назови себя.
Для меня это становилось игрой, и, если бы не серьёзность Елены Ивановны, я бы воспринял это как шутку. Но, судя по сосредоточенности Елены Ивановны, это были не шутки, а реальность – самая настоящая реальность.
- Зови меня буддист.
Вот те на! Буддист… Какой такой буддист и что он делает на святочных христианских гаданиях?
Как бы отвечая на мой незаданный вопрос, он ответил:
- Я давно наблюдаю за тобой, Глеб. И вот пришёл. Я отвечу на твои вопросы.
Хорошо, пришёл так пришёл…
Стоп! А буддист этот – он живой или уже мёртвый???
- А ты живой, буддист, или как?
Ответ не замедлил последовать:
- Не мертвее тебя.
«А он ещё и шутник», - подумал я про себя и продолжил пытать его:
- А ты человек или нет?
- Не совсем.
- Это как?
- Скорее принцип: как ветер – принцип воздуха. Воздух может быть без ветра, а ветер без воздуха – нет.
- Ты принцип человека или чего?
Я откровенно не понимал, как это можно быть и человеком, и нет. Но буддист был терпелив и не спешил смеяться над моим недоумением:
- Движение не есть сам воздух, но – качество воздуха. Разум есть следствие тела, но не обязательно иметь тело, чтобы именоваться разумом.
- Так ты умер? Ты был человеком и умер?
- Но что есть смерть? Обязательный переход из одного качества в другое... Но если ты сам выбираешь, когда и в какое качество перейти, это можно назвать смертью?
Я молчал в замешательстве. Действительно, если человек стал столь могущественен, что может по желанию выбирать вместилище для своего Разума, то смена одного жилища на другое, произведённая сознательно и по доброй воле и тогда, когда ты сам этого захотел, – разве не будет она продолжением жизни?
- Хорошо, значит, ты сменил тело и стал не-телом, но потому, что сам этого пожелал?
- У меня есть тело, но не такое, как ты думаешь. И хватит об этом.
Ну вот, пришёл, пообещал отвечать на вопросы, а сам говорит, «хватит об этом». Капризный какой-то буддист… Ну да ладно, действительно, чего это я… Так, он говорил, что наблюдал за мною, с чего бы это?
- А почему ты наблюдал за мной, в чём причина?
- Ты мне интересен. Можешь быть полезен.
- Но в чём?
- Узнаешь позже.
Ну вот, опять загадки. Там - хватит, здесь - узнаешь позже…
- А как я смогу узнать, чем могу быть полезен?
Блюдце двигалось, не останавливаясь и очень быстро, почти догоняя скорость человеческой речи.
- Если ты станешь достойным, я сделаю так, что ты сможешь приехать ко мне в гости.
- Куда?
- В Тибет. В сентябре этого года. 9 сентября ты купишь билет из Москвы, 13 сентября – из Катманду. Тебе следует приехать в Шигацзе.

Я опешил. Какой Тибет? Какой Катманду? Это же жутко дорого, а у меня не всегда хватает на хлеб…

Буддист тут же нашёлся:
- К сроку средства будут, не забудь - ты приглашён.
Я сидел с таким ошарашенным видом, что Елена Ивановна, сочувственно покачав головой, принесла мне стакан воды. Больше в тот вечер Буддист с нами не говорил – не захотел.
- Елена Ивановна, что вы об этом думаете?
Она посмотрела на меня своими чёрными украинскими глазами и просто сказала:
- Увидишь. Если он сказал, значит, так и будет.
- Но что вы думаете о нём, кто он такой, этот буддист?
- Наверное, один из тех немногих достигших чего-то такого, что наше воображение не может себе и представить…

В тот вечер я долго не мог заснуть, вся магия вечера рассеялась, как дым в сильный ветер, и я никак не мог успокоиться: всё думал об этом буддисте, о возможности поездки, о средствах на неё…
Постепенно воспоминания стёрлись, весь тот вечер стал казаться мне нереальным, как мир за стеклом, где и я – не я, и буддист – чистый вымысел... Да и даты отлёта, хотя и впечатались в мозг, казались ещё далёкими и нереальными, как во сне. Но это был не сон. Общение с буддистом не давало мне покоя. Я отчётливо понимал, что просто так подобные приглашения не даются. Тот, кто, будучи жив, приглашает к себе в гости таким образом, как это сделал буддист, не просто человек. Только очень могущественный, может быть даже бессмертный адепт или святой, может такое. И вот вопрос – зачем я ему нужен? Что он увидел во мне такого, что из всех миллиардов человек он пригласил именно меня?
К тому времени я читал об этом и знал, кого и как приглашали таким образом, а также - кто из смертных общался через Эфоб (так в древности называлась подобного рода доска с буквами) с могущественнейшими буддистами Востока.
Например, я знал, что волхвы, которые искали младенца Иешуа, не просто так получали сведения о его рождении и местонахождении. Не из воздуха они узнавали, но через Эфоб – а значит, именно так, как буддист пригласил меня. Прошли тысячелетия, но метод не изменился. Спиритуалисты приспособили доску для своих нужд и объявили свое общение с потусторонним миром откровениями. Но ведь важно не как они получали сведения, а от кого. Кто стоит по ту сторону доски в духовном теле – вот что важно.
Интересно, что Андрей Рублев, описывая поиски волхвов (которые сами были святыми людьми), изобразил на картине «Троица» их обращение с вопросами о местонахождении младенца Иешуа: двое из ангелов прикасаются к чаше, стоящей на походном Эфобе, а третий спрашивает и иногда записывает важные ответы.

То, что не праздный дух заглянул на наши вечерние святочные посиделки, мне было ясно как дважды два – уж больно красиво и стремительно было то, что он говорил. Не было это похоже ни на что другое, но именно на приглашение Знающего. От такого не отмахиваются, таким не пренебрегают. Ну так что же есть во мне такого, что меня пригласил в Тибет один из Знающих?
Я стал думать и вызывать из памяти детали своего недавнего прошлого, которые могли бы каким-то образом продвинуть меня в догадках и дать объяснение в ответ на будораживший меня вопрос.

История моих духовных поисков

Будучи ещё совершенно юным, я искал смысл жизни в христианстве.
Мои хождения и искания пришлись на период, когда мне было шестнадцать – восемнадцать лет.
Увлекшись христианством, я и не заметил, как стал общаться с людьми, принадлежащими христианским кругам. Это были довольно странные люди: все они носили длинные волосы (эту моду перенял у них и я), смотрели ясным взором и переосмысливали учение Христа, но каждый на свой лад.
Один писал стихи, многие из которых положил в основу музыкальных произведений, даже выступал где-то за границей. Его девушка играла на скрипке, у них здорово получалось.

Другой продавал христианскую литературу, но был страшно неромантичен и, тяготея к догматизму, своим фанатизмом просто пугал меня. Что-то доказать этому человеку было совершенно невозможно.
Опыт общения со священниками вообще оказался грустным донельзя. Единственное, что осталось после него, - это ощущение тоски и ужасной глупости происходящего. Ум требовал пищи, душа – впечатлений, а дух – устремленного полёта. Общение же с батюшками более походило на пребывание в больничной палате, где все готовились умереть.
Хотя… Один поразивший случай, показавший, что христианство имеет отношение к великой Цепи Преемственности, благополучно забытой или запрятанной нынешними жрецами от христианства, всё же встал перед моим мысленным взором, и в нем я нашел свое утешение.
Помню, узнав о том, что такое «умное делание», решил испытать на себе.
В напарники пригласил хорошую знакомую, также ищущую святого и чистого. Ей было пятнадцать, мне - семнадцать. Мы решили испытать «умное делание» в православном Храме, известном своей историей.
Летом, в июле, мы пришли к вечерней службе, добираясь пешком около пяти вёрст и беседуя о духовном. Войдя в храм, трижды поклонились, перекрестились и двинулись в дальний угол Храма, к огромной древней иконе Казанской Богоматери.
Некоторое время постояв перед ней в молитве, отошли к стене – туда, где шёл деревянный настил для молитвенных стояний на коленях. Перекрестившись, мы стали на колени и принялись творить «умное делание», как заповедали отцы христианства.
Таинство это состоит в следовании нехитрым правилам и в прилежании, в терпении и любви, в коей надлежит его творить.
Молитва Иисусова должна быть непрерывной, ум не должен быть отягчен мыслями - ни добрыми, ни худыми, твориться молитва должна с любовью и сердечным томлением о Христе.
Спина должна быть прямой, не согбенной. Дыхание – глубоким, чтобы воздух доходил до самого сердца, но плечи не поднимать, а только выпячивать живот. Дышать следует не часто, но усердно. Дыхание не должно мешать молитве, ведь главное – это страсти о Христе, а не о своём животе.
Сначала ум сопротивляется – ему противно каждое действо, направленное на обуздание его: как дикий жеребец, жаждет он свободы от всякой над ним воли. Но через некоторое время он успокаивается, ему даже начинает нравиться такое состояние, и он будет желать его в другой раз так же рьяно, как прежде стремился избавиться от него.
Благость и елей Господень проникают в сердце и душу, когда ум спокоен и не сопротивляется. Эта благость, наполняя чрево и грудь, делает единение с Богом чистым и гармоничным: как в радуге все цвета соединяются без всякого сопротивления друг другу, так и ум соединяется с благостью сердца, и оба – с божественной природой, что проникает в них совершенно естественно, как елей от лампад напитывает воздух храма.

Так мы и делали, так у нас и получалось.
И вот, примерно полчаса спустя, когда елей достиг наших душ, и стало благостно и милостиво, мы встали и отошли в другой конец храма, где сбоку от иконы Одигитрии на коленях стоял старый-престарый монах, в простой бедной рясе, подпоясанной верёвочкой.

Глядя на него, мы вдруг оба увидели то, чего не видел никто другой.
Перед старцем, примерно в метре от него, появилась из воздуха фигура. Она не была похожа на человека, скорее - на ангела, напоминающего схимника. Плащ с высоким острым капюшоном - вот и вся одежда.
Фигура была метра три высотой, полупрозрачна, и можно было сказать о ней только одно – чистота в пустоте. Как если бы пространство, занимаемое обликом явившегося ангела, было пустым от материи нашего мира, и по причине пустоты заняла его чистота такая, которая незнакома здесь, на земле, – так она необычна и поразительна.
Мы оба видели это. Сердца наши трепетали. Ни слова не говоря, мы вышли из Храма и направились домой. Вскоре я спросил свою спутницу:
-Ты видела?
Тут же и она, почти одновременно со мною, спросила:

-Ты видел???
Обмениваясь впечатлениями, мы шли домой, и не было в тот момент на свете людей счастливее и удивлённее нас.
Подобное видение посетило меня еще раз. Позже. На Пасху.
Пасха – это один из любимейших праздников. Однажды я стоял в том же храме на всенощной, и вот, когда отворились Врата, я увидел Христа, выходившего из них по воздуху и крестившего людей. Фигура была очень высока – около пяти метров, светла и чиста. Елей неземного блаженства разлил Христос вокруг себя, и вся усталость слетела с меня в мгновение ока.
В тот вечер, идя домой, я видел в темноте так ясно и четко, как днём.

Россия, 1994 год

Может быть, мне просто не повезло, и не те священники и доблестные христиане встретились на моем пути, а вот нужные и совершенные встретились кому-то другому, но не мне. Но желания общаться на подобные темы с подобными людьми у меня больше не возникало. Я стал заниматься ци-гуном под руководством знакомого доктора. В группе нас было человек сорок, и, наряду с дыхательной гимнастикой, часто проходили реальные боевые спарринги, боевые броски и захваты, что меня вполне устраивало. Но довольно быстро мое внимание переключилось на дыхательные упражнения, и вот почему.

Как-то во время сложного и долгого упражнения я вдруг ясно увидел перед глазами совершенно удивительную картину: с высоты птичьего полёта я наблюдал прекраснейшую долину, зажатую между двумя кряжами гор. Местами струились водопады, удивительной красоты лестницы в китайском стиле тянулись по стенам гор уступами – от подножия к истоку водопадов; экзотические деревья поражали необычными белыми цветами, все было зелено и необычайно свежо. Но не это привлекло мое внимание. Весь воздух долины был заполнен удивительной голубоватой дымкой, которая несла на себе печать глубочайшего смысла. Назвать его можно было так: духовная квинтэссенция культуры Китая.
Я не знал, почему и как это произошло, но поделился с тренером. Он, слегка опешив, сказал мне, что это напоминает динамическую медитацию. Было похоже на то, что он и сам не совсем понимал, что это такое, но так я обратил его внимание на себя.

От сопровождавшего меня с тех пор пристального взгляда тренера не укрылись и еще два выдающиеся момента, которые произошли во время тренировок. Тренер буквально перестал выпускать меня из поля зрения.
Как-то, в конце тренировки, разбившись по парам, мы стали делать вэй-шу («дающие руки»). Смысл упражнения заключается в том, чтобы, собрав свою предполагаемую энергию чи между рук, толкнуть этой энергией противника. То есть толкнуть не руками, но энергией. У меня получилось. И так, что все обомлели. Мой приятель Лёшка, которому не посчастливилось быть в этот вечер моим противником, от такого удара отлетел довольно далеко. В тот же момент он побледнел, силы покинули его. До дома он еле добрел и несколько дней мучительно болел. Тренер, объяснив мне, что так делать больше не надо, пристально посмотрел на меня: я был единственным, кто показал такой результат.

Еще одна ситуация была связана с лечением. «Кто умеет разрушать, тот должен уметь созидать» – это древнее правило, и мы обязаны были ему следовать. Научившись членовредительствовать более-менее сносно, мы стали залечивать раны. Способ древний и стабильный, называется «наложение рук и сосредоточение». Мне достался немолодой долговязый и костлявый милиционер с хроническим радикулитом. За полчаса, отведённые всем нам для опытов, мне удалось вылечить его радикулит, да так, что он почувствовал себя помолодевшим лет на двадцать. Это было удивительно мне, удивительно ему, но больше всех удивительно нашему тренеру. Этот милиционер был давнишним другом нашего руководителя, который, будучи доктором, неоднократно пытался вылечить его, но каждый раз безуспешно. А тут у меня все получилось с первого раза.

Вторым моим пациентом тренер назначил молодого человека, который несколько лет назад в драке был так сильно избит, что половина его лица потеряла чувствительность и была значительно бледнее другой половины. На глазах у изумленного народа за каких-то двадцать минут я восстановил чувствительность лица, и кожа порозовела.

И вот как-то после тренировки тренер взялся проводить меня, чтобы по дороге пообщаться наедине. После разговоров на отвлеченные темы он сообщил мне страшную тайну. Оказывается, кроме всего прочего, тренер занимался еще и ритуальной магией. Он предложил мне присоединиться к его группе. Это было модно. Но я, увлечённый мистическим христианством и боготворящий Исаака Сирина, был в шоке от такого предложения и перестал ходить на тренировки.
Но неужели тренер, этот властолюбивый человек, увидевший во мне потенциально идеальный инструмент для достижения своих целей, мог отказаться от представившегося ему случая? Конечно, нет. И он использовал магию, чтобы прибрать меня к рукам.

Россия, декабрь 1994 года

Началась зима, и город замело быстро и тихо. Белые сугробы вызывали радость и воспоминания о чём-то чистом: о каких-то горах или горных лесах, где свет солнца отражается на снежном насте, играя миллионами искр, слепя неосторожных путников.
Занятия в медицинской академии шли своим чередом, был уже третий курс.
В тот вечер у мамы был день рождения, и гости до часу ночи пили, ели и веселились, пели застольные песни и долго не хотели уходить.
Когда наконец почти все разошлись, оказалось, что кто-то из близких друзей останется на ночь у нас. Места хватало всем, и вот уже дом погрузился в мерное сопение подгулявших людей.
Заснул и я.

Это был не сон, я точно знаю.
Душа моя вылетела из меня и стала осматриваться. Я летел над полем, по краю леса.
В подлунном мире снег искрился не как на солнце, и глубокие тёмно-синие тени деревьев покрывали часть снежной целины. Наст был плотным, несмотря на начало зимы, и снег волнами больше напоминал застывшее море, чем занесённые поля.
На краю поля, у стены высоких елей, стояла одинокая изба без света. Я почти замер. Открылась дверь, и из избы вышла женщина лет пятидесяти, немного грузная, но не дряхлая. Подперев руками бока, она посмотрела в небо перед собой, и мне показалось, что она видит меня. Посмотрев немного, она покачала головой, как бы желая сказать: «Вот что делается-то, а?»
Я хорошо рассмотрел её лицо и мог бы узнать его позже.
Но тут из окружающего меня воздуха вдруг стали образовываться прозрачные смерчи.
Сначала я не обратил на них внимания, но очень быстро они набрали такую силу, что стали уже влиять на меня, и с каждой секундой всё сильнее.
Вдруг оказалось, что это и не смерчи вовсе, а бесплотные духи воздуха и что сила их велика, и вот уже они подхватили меня и потянули вниз. Мое бесплотное тело оказалось очень даже плотным для них: они нашли в нем и руки, и спину и, заломив руки за спину, поставили меня на колени… И всё это было в воздухе!
Я почувствовал себя совершенно обездвиженным, был не в силах даже поднять голову, и в этот момент началась белиберда, которую я даже и понять не мог. Через мои скулы и уши хаос этих воздушных тварей стал проникать в меня, как бы волнами захлёстывая сознание. Это не было похоже на воду - скорее на подключённые к коже электроды, через которые поступает довольно сильный электрический ток. Слабый, чтобы причинить боль, но сильный, чтобы затопить собой сознание. Он как бы слепил и глушил, подавляя способность осознавать окружающий меня мир.
Чем сильнее были потоки, тем ниже мы опускались. Уже давно пройден был уровень земли, а мы всё ещё погружались в какое-то подземное царство.

И вот душа моя достигла дна, тени продолжали держать меня в согбенном состоянии.
По наивности я обратился ко всем, кто, в моём представлении, мог бы мне помочь: к матери, к

друзьям… Их лица были видны мне как бы через окна, покрытые изморозью декабрьской ночи. Но взгляды их скользили по мне, не в силах меня заметить, не говоря уже о том, чтобы помочь.
Тогда я попробовал освободиться от пут. Довольно много усилий пришлось приложить, чтобы встать ровно и посмотреть прямо. И что же?
Передо мною образовался как бы коридор, высотой около четырех-пяти метров, - узкий проход, где по бокам молочно-белесые смерчи исполняли свой танец похитителей, продолжая волнами вторгаться в моё сознание, но уже не ослепляя меня полностью.
Я попытался идти, и каждый шаг вызывал сопротивление, как если бы приходилось идти в реке против сильного течения. Но я не оставлял попыток и немного продвинулся вперёд.
И вот передо мною возникло нечто, очень напоминающее дракона или змея-Горыныча из русских сказок. Эта жирная тварь сидела на тропе, на моём пути. Голова у нее была одна, зато длинный хвост с копьеобразным отростком на конце готов был ударить меня, если я приближусь слишком близко.
Я ещё не успел понять, в чём дело, как голос этого зверя раздался в моей голове:
- Теперь ты мой!
«Ничего себе цветочки! - подумал я. - Какой-то ископаемый жирный зверюга говорит на русском языке, да ещё и ухмыляется, подлюга!»
Надо было что-то делать. Не мешкая особо, я перекрестил его крестным знамением. Этот троглодит только рассмеялся мне в лицо. Несмотря на звероподобную внешность, вёл он себя как очень наглый и самоуверенный человек, явно осознающий свою безнаказанность. Что верно, то верно, кто ж его накажет, если всюду только его слуги выплясывают смерчами вокруг тропы?
Меня это здорово задело. Этот уродец реально меня разозлил.

Вдруг сбоку, справа от себя, я увидел Серафима Саровского, как я видел его на иконе в одном небольшом храме в Нижнем Новгороде. Стоя вполоборота, Серафим олицетворял спасение, и сам вид его придал мне такие нечеловеческие силы, что даже внешность моя вмиг переменилась. На поясе появился меч. Откуда? А бог его знает - откуда-то взялся. Глядя на себя, я увидел, что, вместо каких-то серых лохмотьев, разорванных бестелесными стражами, на мне появилась белая льняная рубаха до колен, с орнаментом по краю рукавов, по вороту и по низу. Рисунок напоминал каких-то птиц. Всё это я увидел в мгновенье ока, но меч приковал моё внимание паче других перемен. Не раздумывая, я выхватил его из ножен и мечом перекрестил гадину, как прежде крестил рукой.
Что-то переменилось в настроении змея, нечто вроде «Ого…» издал он и изготовил свой хвост для удара.
Мой напор и возмущение духа были, видимо, так велики, что меч наполовину превратился в факел, то есть держал я его за рукоятку, но начиная с середины поток огня вырывался из стали; вместе с тем, и птицы на моей рубахе стали огненно-алыми.
Движения тоже приобрели качества стремительности огня, и вот я уже рядом со змеем, и отрубаю ему кусок хвоста, преграждающий мне путь вперёд. Огонь меча прошёл сквозь тело змея легко, как сквозь туман, и змей, не успев даже удивиться как следует, испарился, как дым на сильном ветре.
Мощь движения привела к тому, что тропа стала подниматься вверх, а стены -мельчать в высоте. Вот уже они мне по плечо, вот - уже по колено.
И вот я уже выше их.
И что же?
Передо мною открылась удивительная картина: глубокий, без дна, ров отделял меня от того берега, где всё было как в песне Б. Гребенщикова:
Под небом голубым
Есть город золотой,
С прозрачными воротами
И яркою звездой…

Сказать по правде, не совсем так, но очень похоже.
Стена, высотою около трёх метров, была выполнена, казалось, из хрусталя.
Прямо передо мною – врата. Аркой вверху, они возвышались над уровнем стены в полтора раза и состояли из ажурных закруглённых золотых ветвей, пространство между которыми было заполнено

тем же хрусталём. За прозрачными стенами был виден сад с удивительными деревьями и травами и чистое небо - одним словом, рай. Звезды не видел.
Чувство радости охватило меня. Но как перебраться через ров?
С двух сторон рва над пропастью висело по доске, не шире локтя. Закреплены они были только на берегу, второй же конец свободно висел в воздухе, и в середине доски эти не соприкасались, а свободно парили, постоянно меняя своё положение относительно друг друга.
Это было спасением. Не задумываясь о шаткости конструкции, я в мгновение ока оказался у врат. Они медленно и величаво открылись, как бы приглашая войти внутрь.
«Ласка Серафима спасла от змея и привела в град чудный», - подумал я безмятежно.
Я понял вдруг, что бестелесные стражи уже не пытаются меня ослепить и оглушить и что сад этот окружен небывалой атмосферой отдохновения. Вот уж действительно: «После битв земных и небесных есть, где голову преклонить на отдохновение». Лучшего места для отдыха души нельзя было найти. Мой воинственный напор хоть и ослаб, но не исчез. Хотелось битвы. «Что же теперь, всю жизнь отдыхать?» Нечто Великое, как небо, улыбнулось мне невидимо и выдохнуло: «Ещё будут сражения, повоюешь…»
Я проснулся.

Нет, это было не пробуждение, а смена декораций: я как будто просто перешёл из одной реальности в другую, но поток моего сознания при этом не прерывался. Я сел на кровати и удивлённо осмотрелся. На соседней кровати кто-то храпел, и эта спокойная картина шла в такой разрез с тем, что я только что пережил, что окружающий мир показался мне нереальным сном по сравнению с тем местом и той битвой, откуда я только что вернулся.
Я прислушался к себе и понял, что меня переполняет одно ощущение: мне лет сто… или тысяча, и я никак не человек, скорее какой-то былинный богатырь, выигравший главную битву в жизни. И ещё - усталость была такая, как если бы эта битва длилась целую вечность.
Я встал и подошёл к зеркалу. Мне вдруг страшно захотелось узнать, как я выгляжу. Почему-то казалось, что я, как минимум, поседел, даже брови должны быть белыми от пережитого, и, наверное, весь в морщинах, ведь битва шла очень, очень долго…
Зеркало в коридоре показало мне, что я ничуть не изменился, и это вызвало во мне большое удивление.
«Не может быть такого, чтобы так долго жить и остаться таким же молодым…» Ощущение груза прожитых лет не покидало меня.

Из кухни вышел друг родителей, не очень пожилой седой гражданин с масляными глазками, с сигаретой в руке:
- Не спишь?
- Дядь Серёж, как я выгляжу?
Он посмотрел на меня критически:
- Да нормально, ничего необычного…
«Да, - подумал я, - тебе бы с моё пожить, посмотрел бы я, как ты будешь выглядеть…»
Меня не покидало ощущение, что мне, как минимум, тысяча лет...

Весь следующий день я пытался осмыслить пережитый сон-не-сон. Все ощущения были очень реальны, очень. Я ходил под впечатлением целый день и никак не мог понять, что всё это значит. В том, что это важно, значимо и что это, быть может, определит мою дальнейшую жизнь, я не сомневался. Но как? Что за неизвестность ждёт меня?
А между тем, физическое состояние стало стремительно ухудшаться. Я перестал есть, следующую ночь почти не спал, а на следующий день эти симптомы не только не исчезли, но и усугубились. Два яблока за день и полная потеря аппетита – это нечто новое для меня, так как я всегда любил вкусно поесть. Но что странно – от нежелания есть было хорошо, как-то сладко. Организм радовался отсутствию пищи.
К концу второго дня я пошёл к Елене Ивановне, так как творилась со мною явно какая-то чертовщина, а лучшим специалистом по чертовщине из всех известных мне людей была именно она.
Сразу за дверью её квартиры меня встретили две чёрные лохматые собаки средних размеров.

Облаяв меня для порядка и получив нагоняй от хозяйки, они с важным видом удалились. Мы же проследовали в зал, где вся стена, от пола до потолка, была уставлена книжными полками, и книги были преимущественно мистического содержания.
Оглядев меня придирчивым взглядом, она сразу же поставила меня в центр зала, ушла и тут же вернулась с церковной свечой:
- Влип ты, парень… Кто ж тебя так?... Ну да, ну да, знаю: Петя, тренер твой, голубчик, потешался…
- В смысле «потешался»?
- Ну, он же предлагал тебе «серьёзными вещами» заниматься?
- Ну да, было дело, но это же так, фигня…
- Ага, фигня, а что вчера было?
- Да, это уже не фигня…
- То-то и оно, ну да стой смирно, не вертись.
Елена Ивановна имела вид стопроцентной хохлушки. Чёрные игривые глаза, такие же чёрные, как украинская ночь, волосы до пояса, забранные в хвост; она была очень милой женщиной, и при этом очень хорошо знала своё дело. Как-то у знакомых ребёнок заболел рожистым воспалением, и, когда более половины его тела стало тёмно-красного цвета, а врачи разводили руками, Елена Ивановна, по моей просьбе, вылечила ребёнка за три дня без всяких лекарств. Как? Я не знаю, но она это сделала.
Вот и сейчас она стояла позади меня и со свечой в руке делала что-то неведомое, я же ощущал лёгкое щекотание в позвоночнике.
- Удар ты выдержал, но тряхнуло тебя сильно. Скорее всего, будешь болеть, но недолго, организм твой крепкий, быстро справится.
- Что за удар?
- Ну, ты ночью спал?
- Угу…
- Хорошо спал? Выкладывай, как дело было.
Мы пошли на кухню, она налила чай из душистых трав, мы пили, а я рассказывал: и о духах воздуха, и о женщине на ночной поляне, и о странном змее, и о Серафиме.
- Сам Серафимушка пришёл тебя спасти? Вот дела… Ну и досталось же Петеньке в ответном-то ударе, ох досталось…
Я рассказал о победе, и об избавлении, и о Золотом Городе…
- Хорошо, значит, сам и победил. Ну, не сам, конечно же, Серафимушка тебя облагодетельствовал, но очищение надо закончить.
- Это как?
- А вот вставай, сейчас я буду руку вдоль позвоночника вести, а ты жди прихода радости, эйфории, ну, как пьяный, но только она сама придёт, радость-то.
- И что это будет?
- Ещё гений-самоучка Кандыба говорил, что когда вся хворь магией из тела выходит, душа радуется. Ну-ка, вставай, не ленись.
Всё произошло в считанные секунды. Поток тепла по спине, и – настоящая, чистая радость. Удивительно, как стало хорошо и… свободно. Я вздохнул полной грудью, глаза мои засветились.
- Ну что, пришла радость, а?
- Ага…
- Вот тебе и «ага».
Она весело рассмеялась:
- И ко мне тоже пришла. Радость… Она к обоим приходит, и ко мне тоже вот пришла.
Она весело хохотала, и я тоже, так вот вечер и закончился – на весёлой ноте.
Следующие два дня прошли в нервном напряжении.
По-прежнему почти не спал и ничего не ел, всё думал о ночном происшествии, даже на занятиях в институте.

На третий день после посещения Елены Ивановны первым занятием в медицинской академии была пропедевтика внутренних болезней. Изучали методы диагностики внутренних болезней, пальпацию, перкуссию и аускультацию. За этими мудрёными названиями скрывались ощупывание

и простукивание тела с целью выяснить в первом приближении – что там, собственно говоря, не так?
Занятие вёл профессор, старичок лет семидесяти, с признаками начинающейся глухоты, но колоссальным опытом.
Начиналось всё буднично, и, пока обсуждали теорию, было довольно скучно.
Но вот дело дошло до практики.
Профессор обвёл нас взглядом, пальцем показал на меня:
- Ну-с, молодой человек, раздевайтесь - на стол, будем вас обследовать. Рубашечку снимайте, торс догола, не стесняйтесь, смелее.
Я разделся до пояса, лёг на стол.
Профессор продолжил:
- Метод перкуссии хорош при определении размеров внутренних органов. У здорового человека его родные и, что немаловажно, здоровые печень и селезёнка полностью прикрыты рёбрами, не выступают за нижний край, и потому звук, исходящий при перкуссии, на всём пространстве подреберья более-менее одинаковый. Вот смотрите…
Он положил средний палец левой руки мне на нижние рёбра с правой стороны, а средним пальцем левой несколько раз по нему стукнул. Раздался характерный мелодичный звук – под рёбрами была печень, паренхиматозный (не полый) орган, и звук был глухой.
Профессор продолжал:
- Вот послушайте, тут лёгкие, они звучат несколько иначе, не правда ли?
Действительно, лёгкие звучали иначе, чем печень.
- А вот печень, чувствуете разницу?
Все чувствовали разницу, и, удовлетворённый результатом, профессор продолжил:
- А теперь область подреберья. Она, как я уже говорил… Девушки, без смешков, перед вами пациент, что вы там шушукаетесь? Так вот, при простукивании она должна быть… Что за чёрт?
Он стал быстро стучать то выше, то ниже.
- Молодой человек, как вы себя чувствуете? Ничего не тревожит?
- Да нет, доктор, я, в общем-то, здоров.
- А вы не пьёте?
- Доктор, вы что? Я трезвенник…
- Ну да, ну да… А тогда что же ваша печень на три пальца ниже рёбер висит, как у старого алкоголика?
- Что???
- Так, селезёночку…
Он стал быстро простукивать теперь уже с левой стороны. Девчонки громко шептались, ребята же рассматривали меня как подопытного кролика. Слева была та же ерунда.
- Ага, молодой человек, позвольте осмотреть ваши склеры…
Он уже осматривал белки моих глаз, что-то беззвучно говоря самому себе.
- Ну что ж, молодой человек, у вас тапочки с собой?
- А зачем?
Я стал слезать со стола и натягивать рубашку.
- А потому что прямо сейчас вы едете в инфекционное отделение, так вот, тапочек вам там не дадут. У вас серьёзнейший гепатит, и не спорьте. Я вызываю «скорую».
Я стал уговаривать профессора дать мне возможность побывать дома, и спустя минут десять он сдался. Когда я уходил, он бурчал себе под нос:
- Впервые такое со мной, а думал, что уже всё повидал…
Приехав домой, я сразу же позвонил Елене Ивановне.
- Ну, я же тебе говорила, что ты будешь болеть.
- Но почему гепатит? Это же очень серьёзная болезнь!
- Серьёзная, когда вирусный. Печень первая принимает на себя удар, селезёнка и вовсе является обителью астрального тела, они приняли на себя удар, вот и распухли. Не переживай, поболеешь пару недель и пройдёт.
- Точно не страшно?
- Конечно, отдохни, тебе полезно будет. В какую больницу кладут?
- На Фрунзе.

- Заднепровье?
- Да, за Днепром.
- Это хорошо.
- Чем же?
- Элементалы, которые будут продолжать идти по твоему следу, как гончие псы, теряют нюх, когда переходишь реку, они действуют по принципу электричества, а река вносит сильные помехи.
Я ничего не понял из этих слов, решил подробнее расспросить позже.
- Хорошо, Елена Ивановна, я вам буду звонить.
- А что звонить? Выпишут, приезжай, поговорим.

Россия, 1995 год

Гепатит оказался механическим повреждением печени, вирусы не были обнаружены, и после выздоровления началась обычная жизнь. К родителям вернуться я не мог: там сразу же начинал буквально сходить с ума. Пришлось жить у друзей.
Елена Ивановна не проявляла интереса к моей жизни, да и мне больше хотелось жить надеждами надвигающейся весны, а не проблемами уходящей зимы.
Но весна принесла горечь. Никогда не знал, что такое депрессия, а тут душа буквально рыдала и стенала, заставляя искать причину этого горя. В чём оно?
Постепенно я стал замечать за собой признаки беспричинных омрачений сознания, когда, сам не зная почему, впадал в состояние крайней тоски или даже черноты жизни, но потом всё выравнивалось. Но каждый следующий месяц приносил большую тоску, чем предыдущий, и к лету моё психическое состояние оставляло желать лучшего.
Хуже другое: я стал «терять» себя. На фоне депрессивного состояния понимание себя как целостной личности стало отходить на второй план, и часто я с ужасом понимал, что ощущаю себя не как та личность, которой себя всегда считал, а … ну, например, как человек, на которого я в тот момент смотрел. Причём, эти внезапные ассоциации себя с другими были такими полными, что я даже чувствовал перемены в своём теле, если человек был другой конституции, нежели я. Если он был тоньше или выше, я чувствовал себя именно таким. Если это была женщина, я чувствовал себя женщиной, и этот факт моей жизни меня уж никак не радовал: быть андрогином никак не входило в мои жизненные планы. До меня стало доходить, что это – распад личности: она умирает и бьётся в судорогах и конвульсиях, так что если ничего не делать, то сначала – в дурдом, а затем и в ящик. Но что делать?
Начались разные фобии, видения, сопровождаемые резкими всплесками эмоций; ну, в общем, «чердак поехал», как говорит народ, и сделать с этим было ничего нельзя: он (чердак) был сам по себе, а я – сам по себе, и ехал он совершенно независимо от моей воли.

Наступило лето, и друзья предложили мне большой компанией поехать на природу недели на три, в отпуск. Озёра «Селигер» славились своей магнетической силой и животворностью можжевельника с соснами - я согласился, не раздумывая.
На автобусе мы, сорок взрослых человек и три ребёнка, приехали на лодочную станцию, в течение двух часов оформили все документы, вместе с продуктами и палатками сели в лодки (десять четырёхвесельных баркасов) и отчалили по ровной водной глади куда-то вдаль.
Со мною в лодке были две женщины, муж одной из них, Сергей, и их ребёнок.
Отдых был замечательный! Каждый экипаж занимался кухней целый день, а на следующий день дежурство переходило к экипажу другой лодки. Проводник был опытный, ядро отряда составляли бывалые туристы, так что времени на всё хватало. Но у меня начались фобии. Я стал бояться воды. Она манила меня в свою глубину, и я шарахался от неё, как только мог. И всё это в самом озёрном крае России!

После трёх дней отдыха мой напарник Серёга, тридцатидвухлетний весёлый капитан милиции, всю ночь пил водку с каким-то новым знакомым и после пятой бутылки (столько пустых бутылок обнаружили утром удивлённые дежурные) заснул у костра. А когда проснулся, выяснилось, что он простыл. И не просто по-человечески – гландами, а не по-человечески: у него разболелся

зуб. И даже не зуб, а уже практически сгнивший корень развалившегося зуба. Щеку разнесло, поднялась температура, и Серёга слёг. Он лежал и болел, болел и лежал. Он болел и лежал, пока мы снимались со стоянки, грузились в лодки и отчаливали на другую стоянку. Он болел, пока мы причаливали, и лежал, пока выгружались и ставили палатки. Он лежал, когда все ели, и даже в туалет до ближайшего дерева выползал на карачках. Анальгин ему не помогал, до ближайшего зубного врача было километров сто пятьдесят на вёслах, так что приходилось терпеть.
Нас в команде было двое – тех, кто умел снимать боль руками. Я и Анечка, «экстрасенс», всем своим внешним видом старавшаяся походить на «беленькую» из «АББА».
Мы старались помогать Серёге по очереди, каждые час-два сидя возле него с участливым видом по полчаса.
Серёге наши усилия помогали, но как только мы покидали пост, ему тут же становилось хуже. Слабость и температура стали его спутниками, и он угасал на глазах.
Мои фобии доставали меня и делали рассеянным. Сергей объяснял мне, что моё наложение рук отличается от Анечкиного тем, что я постоянно отвлекаюсь на какие-то мысли, ток теряется, боль сразу возвращается. А раз так, то зачем тратить время? Я старался не отвлекаться, но депрессия давила: хотелось жалеть себя, хотя болел он.

Два дня на этой стоянке пролетели быстро, и вот мы опять снимали палатки, загружали лодки, а Серёга лежал на дне лодки на тюках с провизией и позволял мне грести всю дорогу вместо него, без перерыва. Сменить меня он не смог бы, даже если сильно этого желал: он и себя с трудом держал, не говоря уже о тяжёлых трёхметровых дубовых вёслах.

Переход был большой – семнадцать километров через широкий плёс, при сильном ветре и высокой волне. К концу перехода (а это четыре с половиной часа) я настолько выбился из сил, что, когда лодка уткнулась носом в берег новой стоянки, я просто упал и минут пять лежал ничком.

Придя в себя и уняв дрожь в руках, помог девушкам и участливым соседям разгрузить нашу лодку, поставил палатку и упал в неё с сильным желанием лежать часа два.
Место стоянки было удивительно красивым: сосны - насколько хватает взгляда, а под ними – кусты крупной черники. Чтобы поставить палатку, я минут десять ел чернику, чтобы раздавленные ягоды не испачкали материал моего походного дома.
Но совесть позвала меня в палатку к Сергею: он давно не принимал «прививку жизни» из моих ладоней, и боль стала сильно одолевать его ещё на половине пути, а сейчас, наверное, уже совсем доконала. Я оказался прав. Он лежал в палатке ничком, как мешок. Лоб был в испарине, температура градусов тридцать восемь, а то и больше.
Дрожащими от усталости руками я помог ему сесть и положил правую руку на раздутую щёку, а левую – на затылок.
Началась борьба с усталостью.
Во мне горело сильное желание помочь этому измождённому многодневной болью человеку - желание столь сильное и искреннее, сколь и бескорыстное. Но усталость брала своё, минут через десять я стал неспособным к сосредоточению и провалился в забытьё.
Всё ещё держа руки, я увидел сон, который был реальнее яви.
Что это было? Трудно сказать. Важно даже не то, что я видел в тот момент, а то, что я понимал. А понимал я многое.

Огненный шар, летящий над чёрной землёй… Я понял, что именно так нужно стремиться к Высшему – к совокупности всего святого и чистого, какое вообще только возможно на этой земле и над ней.
Человек в странной шапке, сидящий перед морем огня... Я понял, что таким бывает бесстрашие; что и мне надо быть таким бесстрашным, что и я так могу.
Несколько сменяющих друг друга картин поразили меня в самое сердце. Прошло несколько секунд, я был потрясён тем, как много смог узнать такого, что в совокупности можно назвать смыслом жизни! Причём не какой-то там жизни, а – Жизни, прекрасной в своей чистоте и стремительности и удивительной в своей цельности!
Зрение вернулось ко мне, я посмотрел на Серёгу и убрал руки.

Он выглядел не менее потрясённым, чем я. Глядя на меня непонимающим взглядом, он спросил:
- Что это было?
Видно было, что он волнуется и что нечто очень озадачило его.
- Трудно сказать… Долго рассказывать… А что?
Я был в себе и все еще осмысливал то, что понял. Весь мир был для меня теперь совершенно другим. От моих несовершенств и фобий не осталось и следа, моя душа была сильна, как тысячелетний дуб, и чиста, как омытое ливнем небо.
- Просто я перестал болеть.
Тут и меня проняло, я отвлёкся от своих мыслей:
- Это как???
- Ну, как если бы меня запихнули в огромный колокол… В голове сначала был гул, потом звон… А потом в челюсти… ну, во всех натруженных болью местах вдруг появилось такое облегчение… Как ты это сделал???
Я смотрел на него как баран на новые ворота, и тут до меня стало доходить: озарение, которое я испытал и которое занимало сейчас всю мою душу, как аромат распустившегося удивительного цветка, спасло моего друга, излечив его от болезни! Вот это да!
Мы вышли из палатки, пошли к костру. Все бродили где-то или отдыхали, и мы были одни среди всего этого великолепия. Было не жарко, пятый час вечера; середина июля дарила теплом небес и прохладой воды. Серёга изучал своё новое состояние, ощущения в челюсти, трогал лоб и с удивлением отмечал, что не только температура ушла, но даже слабость отошла на второй план. Он может идти!

Не удержавшись, Серёга вошёл по колено в воду, зажмурившись от удовольствия, через минуту вышел, сделал несколько взмахов топором, расколов пару чурок. Видно было, что от всего этого он получает несказанное удовольствие.
И тут я стал рассказывать. Я стал описывать моему другу увиденные картины и те смыслы, что они несли, и вообще всё моё теперешнее состояние, которое так же отличалось от прежнего, как и его. В нас обоих произошли удивительные, весьма ощутимые перемены в считанные минуты, и скорость и сила этих перемен удивляла обоих.
Выслушав мой рассказ, Сергей сказал:
- То есть получается, что твой альтруизм спас и тебя, и меня?
- Получается, что так.
- Значит, бескорыстие – это сила в этом мире?
Он выглядел глубоко изумленным.
- Значит, что так. Но сила стремления того шара ещё чище альтруизма.
- Быть устремлённым - значит быть выше альтруиста?
- Получается, что так. А ещё бесстрашие.
- Но ведь эти качества не человеческие…
- Но я же их понял. Значит, они могут быть и моими, и твоими…
- Да, ради этого стоит жить и умереть…
Мы стояли перед костром, глядя в огонь, удивленные и потрясенные, и слов не надо было, чтобы понять, что ни тени неискренности нет в словах обоих. В тот день я стал сильным, а Сергей – здоровым, и оба мы поняли что-то очень важное для себя.

В тот же вечер новость облетела лагерь. Пока Сергей болел, все сочувствовали ему, подбадривали, он же только устало улыбался одной половиной лица.
Теперь все хотели поговорить с ним, все подходили, участливо заглядывали в рот, удивленно щупали сдувшуюся щёку, безмерно удивлялись и тихонько обсуждали. Серёга рассказывал всем, как я его вылечил, и сам этому удивлялся вместе со всеми. Искренне и часто.
Так длилось пару часов перед ужином. Но потом все как-то замолчали и стали обходить эту тему, переводя разговор на другое.
Почему? Люди стали побаиваться меня, старались обходить стороной. Я сразу же почувствовал появившуюся стену отчуждения, но мне было не до них. Меня занимал другой вопрос.
Я почувствовал, что между моим ночным декабрьским кошмаром и сегодняшним чудом была

связь. Какая? Это Озарение ещё теплилось во мне – как, бывает, теплятся угли после пожара. И в свете того необычного всепонимания я ощущал, что погружение в подземелье и ослепление духами воздуха – это было то, что происходило со мною последние семь месяцев. Я понимал, что явление Серафима соответствовало сегодняшнему озарению, а восхождение и достижение чудного Града – это то, что мне счастливо предстоит. Самое удивительное, что спокойствие, впервые обретённое мною за последние месяцы, делало мой внутренний мир похожим на состояние того богатыря в белой рубахе с огненным узором и горящим мечом. Я был полностью в сознании силы и спокоен, как гора. Что мне мнение людей? Так, суета сует…

Следующим утром – смена стоянки. Быстро собрав палатки и загрузив лодки, мы отчалили к самой удивительной стоянке Селигера – Серебряному озеру.
Находясь в своём мире, я на удивление чётко понимал многое, очень многое. В спокойствии этом было нечто от былинных богатырей и от Титанов древности.
«Никто не может уязвить тебя, а раз так, то зачем избегать Битв?»
«Ничто не может ранить тебя, а раз так, то где твоё бесстрашие?»
«Стремительность полёта стрелы – твоя суть. А раз так, то куда тебе спешить? Ты уже успел, как только помыслил дойти».
Так можно описать моё состояние.
Метрах в двадцати от нас спокойно шла лодка с Анечкой, она поглядывала на меня острым, быстрым взглядом, и я понимал: что-то нехорошее творится у неё на душе. Она что-то нервно говорила подругам (они были вчетвером на лодке). Те кивали и соглашались.
Часа через два мы прибыли. Усталости не было, спокойствие, как штиль на море, разлито было в душе, и, не торопясь, я начал обустраиваться. Тут бросилось в глаза, что все четыре женщины ходят с раздутыми от герпеса губами. Когда успели? Это у них эпидемия такая? А, какая разница...

К вечеру, перед ужином, ко мне подошла одна из них и поведала историю сегодняшнего дня.
- Ты знаешь, мы очень виноваты перед тобой… Ну, мы, экипаж нашей лодки…
- С чего так?
- Ну, Анечка очень болезненно отнеслась к тому, что не она, а ты вылечил Сергея.
- Понимаю…
- Пока мы плыли, она тебя всячески осуждала, мы соглашались… Результат - у нас у всех четырёх раздуло губы от герпеса…
- Ну, так и что?
- С Анечкой совсем плохо… она задыхается…
- От герпеса?
Мне было забавно: они осуждали меня, а теперь вот парламентёр приходит и всё это мне рассказывает с виноватым видом.
- Нет, у неё раздуло горло… герпес – это ерунда. А вот горло… Она задыхается и не может говорить, мы… боимся за неё, тут нет врачей.
Она чуть не плакала от унижения и от страха за жизнь подруги.
- А я тут при чём?
- Анечка сказала, что это оттого, что она на тебя напраслину возвела… Ну, в общем, она хочет извиниться…
- Мне это не надо…
- Помоги ей, а? Она же умрёт, вон шипит только…
Мне было смешно и неудобно. Сознание силы делало как бы отстранённым от всей этой жалкой человеческой суеты с наговорами и осуждениями… С другой стороны, умрёт ведь. А у неё ребёнок дома…
- Ладно, пусть приходит.
Через пять минут с виноватым, понурым видом она появилась в моей палатке.
- Ты поняла, что была не права?
- Ага.
Она действительно хрипела и слова сказать не могла. Ужас!
Мне стало жаль её.

- Садись ко мне боком и не двигайся.
Левая рука около затылка, правая ладонью вверх около горла.
Что мне делать? Известное дело, вспоминать Силу. Я сосредоточился и постарался вспомнить атмосферу того Озарения, которое царило вчера во мне. Получалось не очень, но некую стабильность я всё-таки ощутил. Почему-то вспомнились слова Будды:
«Знайте же, нищенствующие Бхикшу, что нет в вас постоянного принципа».
И лишь наставленный ученик, приобретая мудрость и говоря: «Я Есмъ», - знал, что он говорит.
Вот этот самый постоянный принцип, единственно верный в море человеческого естества, я смог уловить в тот момент. Я зафиксировал это воспоминание-ощущение в сознании и остановил течение ума: Сила позволяла мне теперь делать это без труда.

Я увидел тёмное, почти чёрное небо, камыш у берега, колеблемый ветром, и молнию, пронзающую небо над камышом. В этот миг сознание постоянного принципа вспыхнуло во мне, как та молния, и я понял, во всей серьёзности осознал, что Анечка излечилась. Так поняв, я сказал:
- Иди, ты здорова, и не повторяй своей глупости.
Она прокашлялась и уже вполне нормальным голосом сказала:
- Хорошо.
Мгновенно вернувшийся голос поразил её сверх всякой меры, и она, пятясь, быстренько выползла из палатки.
После этого мы больше не общались. Она старательно избегала меня, и, судя по тому, что голос у неё не пропадал, обо мне она не говорила.

Глава 2. Поиски Учителя

Россия, 1999 год

Прошло несколько лет после тех славных дней. И вот я приглашён Буддистом. Как встретить судьбу? Чую сердцем, верно будет. Но как стать достойным? Множество битв позади. Ещё больше впереди, так чего ж думать?

Летом ещё раз посетил Елену Ивановну.
Она без лишних расспросов наладила Престол. Буддист пришёл сразу же.
- Что делать мне?
- Мой закон ты знаешь – средства будут. Если к сроку думаешь быть в Шигацзе – шаги ускорь.
- Но как узнаю Тебя?
- Я сам приду.

Ничего нового. Я ждал. Подвернулась работа, и за два коротких месяца я совершенно неожиданно для себя заработал нужную сумму. Можно было купить квартиру, которой у меня не было (они были в то время удивительно дешевы), но, не медля ни дня, я оформил загранпаспорт, купил билет до Катманду и полетел. Прибыв в Непал, я вдруг осознал, что попал в это удивительное место точно в тот самый день, который был назначен мне в феврале Буддистом.
С первых шагов по этой благословенной земле я почувствовал, что чьё-то могущественное внимание непрестанно почиет на мне. Это было похоже на взгляд родителей за плавающим ребёнком – ненавязчиво, но постоянно и с готовностью в любой момент действовать быстро и решительно. Сначала я думал, что в этой волшебной стране такое чувствуют все. Но, пообщавшись с народом, понял, что это чувствую только я. Все остальные радовались, отдыхали, ходили за покупками, ели и пили, планировали дальнейший отдых, но ощущаемое мною волшебство было лишь моим.

В самолёте познакомился с ребятами из Севастополя. Они мечтали побродить в Гималаях, а в Непале это сделать проще всего. Прилетев в Катманду, они же познакомили меня с Татьяной – русскоговорящим гидом одного из туристических агентств. Она посоветовала мне гостиницу «Синяя

птица» в туристическом районе города.
Четырёхэтажный большой коттедж – так можно было её описать. Мой номер находился на самой крыше, и с террасы открывался впечатляющий вид на горы, небо и окружающие кварталы.
Не медля, я заказал тур в Шигацзе на машине и обратный билет на самолёт из Лхасы через месяц. Визы в Тибет китайцы давали не больше, чем на месяц, а меньше мне пребывать там не хотелось - «гулять так гулять».

На следующий день пошли в китайское посольство получать визу.
Это было небольшое одноэтажное здание грязно-красного цвета. Мы вошли в небольшой зал, полсотни китайцев и непальцев стояли у трёх окошек, терпеливо ожидая своей очереди. Сопровождающий меня хорошо одетый представитель агентства протиснулся к окошку без всякой очереди, приглашая меня пройти за ним. Очередь уважительно расступилась. Местные с удивлением рассматривали мою бороду – такое они видели редко. В окошке мне приветливо улыбался китаец, лет сорока, с сединой на висках.
Я протянул ему свой паспорт.
Взяв его в руки, он удивлённо вскинул брови:
- Улусэ!?
Я понял, что так он спрашивает, русский ли я.
- Ес. Улусэ.
- О, улусэ! Друг! Товарисч! Мосака!
Ага, Москва, значит.
- Ес, Мосака, Мосака.
Китаец стал улыбаться ещё шире:
- Друг, харашо!
Быстро выполнив какие-то операции с бумагами, он протянул мне паспорт обратно – в нём уже красовалась месячная виза.
Толпа вокруг меня удивлённо гудела. Видимо, русских, да ещё и с бородой, тут видели очень редко.
Мы вышли. Мой сопровождающий завёл машину и на английском сообщил мне:
- Удивительно быстро ты получил визу. Обычно это занимает несколько дней.
- Может быть, китайцы любят русских?
- Да, похоже.
Всё складывалось как нельзя удачно.
- Когда едем?
- Послезавтра рано утром. В пять утра.
Доставив меня до гостиницы, он уехал, а я с лёгким сердцем пошёл искать место, где можно было бы пообедать.

Вся столица Непала, Катманду, представляла собой туристическую Мекку, с магазинами и ресторанами, в три, а то и четыре этажа, приветливо распахивающими двери сотням тысяч туристов. Кухни представлены самые разнообразные, от китайской до европейской, и всё это очень недорого. На 3-5 долларов можно было наесться до отвала.
Выбрав итальянский ресторанчик, уютно расположившийся на третьем этаже под открытым небом, я заказал пасту и «лемон ти» - это стеклянный стакан кипятка, в который выжата половина лимона, с сахаром.
Начало осени дарило тепло.
Высота полтора километра над уровнем моря делала это место очень уютным: не очень жарко, не холодно, в общем, райское место.
Вдруг я услышал русскую речь. Уже смирившись с тем, что русских тут почти не бывает, я удивился несказанно. Двое парней и девушка о чём-то очень жарко спорили, не обращая внимания на окружающих. Надо сказать, что туристов в Катманду всегда много. При том что жителей города, вместе с приезжими на заработки из окрестных деревень непальцами, обычно не более полумиллиона, в сезон в этом городе одновременно находится около семисот тысяч туристов. Иногда на улицах было не протолкнуться, иностранцы присутствовали всюду, и в очень больших количествах. Тесные улочки Катманду делали это столпотворение реально осязаемым, ощутимым.

Как огромный муравейник, город кишел представителями различных национальностей и стран, преимущественно Европы и Америки.
Мои соотечественники были совершенно равнодушны к этим чудесам, они спорили до хрипоты, и, когда острота спора стала убывать, а мой обед закончился, я пошёл к ним знакомиться.
- Привет. Я Глеб.
Они несколько с неохотой посмотрели на меня, но, убрав со свободного стула вместительную сумку, предложили мне сесть.

Оказалось, что ребята были не совсем соотечественниками. Родились они в разных союзных республиках, но в начале 90-х переехали в Израиль. Может, они были евреями, может, нет – я так и не понял. Но они однозначно ими стали. Эти еврейские нотки в голосе я не забуду. Разговор быстро перешёл на меня, а потом – на Тибет. Оказывается, они там уже были не так давно. Это было как раз то, что надо, – советы бывалых.
Саша и Лена были мужем и женой, а Сергей – их друг. Его жена не захотела в этот раз ехать, хотя раньше они обычно путешествовали вчетвером.
Работая не покладая рук в двух местах в Израиле, ребята копили деньги, чтобы потом проматывать их в отпуске. Почему? Сергей так ответил на этот вопрос:
- Во многих отелях мира израильский паспорт как чёрная метка, такая, знаешь, сигнализация о том, что этих людей лучше не брать в постояльцы. Они устраивают пьянки, дебоши, считают себя высшей расой, бьют посуду и морды официантам. Обычно, получив аттестат, молодёжь в свои семнадцать растекается по миру просто поотрываться. Почему? Да потому, что в Израиле всегда идёт война. Всегда кого-то взрывают, кто-то умирает, мы все как на пороховой бочке. Каждый живёт, понимая, что завтрашний день может просто не наступить. Это философия такая – жить одним днём, но жить так, чтобы запомнить этот день, понимаешь?
Я понимал. Но принять такое оправдание хамству мой разум отказывался.
Однако я молча слушал излияния тридцатилетнего еврея-не-еврея.
- Вот потому мы, Глеб, и путешествуем по четыре месяца в году, и работаем восемь месяцев, чтобы эти четыре попутешествовать.
- А как вас отпускают так надолго?
- Нас ценят на работе.
- А как денег хватает на четыре месяца отдыха?
Я был искренне удивлён. По моим представлениям, отдых за границей – дело весьма недешёвое. Две недели отдыха – это зарплата за несколько месяцев, а еще и жить надо как-то, пока работаешь…
- И как вы давно так путешествуете? Где были?
- Да уже лет, наверное, восемь. А были мы вообще везде. Я зарёкся привозить сувениры – уже вся комната в них. А выбрасывать жалко.
Постепенно разговор с их еврейской прикольной жизни перешёл на Тибет.

Оживились Саша с Леной:
- Мы в тот раз ездили к Кайлашу. Вместе с двумя американцами наняли автобус и поехали. Ну, поездочка! Дорог нет – одни названия и направления. Автобус трясло нещадно, американцы, студент и профессор, очень страдали от тряски. Студент залёг в самом конце автобуса – там, где трясло сильнее всего, и всю дорогу кричал: «Профессор, вен ай дид!?» и «Профессор, вай а дид!?» То есть хотел узнать, когда же он умрёт и почему, вот умора!
- А как сама поездка, как Кайлаш, как волшебство?
- Ну что поездка? Пока ехали, наблюдали обыкновенное расистское противостояние. Тибетцы ненавидят китайцев тихой ненавистью, периодически кого-то из них убивая. Китайцы тихо спаивают тибетцев дешёвым пойлом. Мы видели даже целые заборы вокруг домов, сделанные из пустых бутылок.
- Не, ну политика – это понятно. А природа? Что там?
- Ну что, степь да горы вокруг. Волки, лисы, зайцы встречаются, от машины убегают. Поля, пшеница, страна-то аграрная. Были в местах, где туристов видят редко, так на нас всей деревней посмотреть приходили. Спишь, открывается молния палатки (отелей там нет), просовывается десяток голов и рассматривают тебя, жену, вещи… В диковинку им там всё. Мы сначала – драться, а потом поняли,

что они как дети.
- А что Кайлаш?
- Это вообще отдельная тема. Представь себе – плато, посредине гора стоит огромная. Тёплые источники бьют из-под земли, мы ванны принимали – джакузи природное такое. Так вот, вокруг Кайлаша – тропа. Кольцом, представляешь? Длина – больше, чем ваш МКАД, около 120 км. И вот паломники ходят вокруг этой горы, кто как может. Кто пешком, а кто на пузе проползает.
- Зачем на пузе-то?
- Ну, как зачем? Чтобы грехи искупить. Буддисты – они же тоже люди, тоже грешат и также каются.
Сергей тоже не отставал:
- Было там много интересного. Видели туристов из Германии. Они решили не обходить вокруг Кайлаша, а пройти ущельем через него. Так вот, углубились они на пару километров и вторглись в какие-то запретные области. На них такой страх напал, что они обделались, побросали рюкзаки и ускакали оттуда, только пятки сверкали. Что это было – они не говорили. Ужас, страх – и только.
Саша подхватил:
- Ой, Ленка мучилась! Помнишь, Лен?
-Как же, помню. У меня видения были.
Я смотрел на них большими глазами. Они рассказывали искренне и взахлёб.
- Да, замучили меня видения тогда. Монахи ходили, которых только я видела. Змеи ползали яркие, радуги на небе. Ребята только пальцем у виска крутили.
- Ну не видели мы того, о чем ты рассказывала, представляешь?
- Тебе ещё в автобусе стало плохо, ты на пару со студентом зажигала.
- Это да, но монахов тех видела, ну как тебя! Настоящие, на нас не смотрели, ходили себе туда-сюда, а ребята удивлялись, что я с монахами теми здоровалась.
Сергей продолжил:
- А ещё от их воды расстройства кишечные. Готовься, тебя тоже ждёт.
Лена порылась в своей сумочке, достала алюминиевую плитку с таблетками:
- Вот, возьми. Моя бабушка дала со словами: «Девочка моя, достаточно одной таблетки. Запомни, одной». Мы проверяли, действительно, хватает.
- Спасибо. Что ещё посоветуете?
- Шоколад. Кэдбери. На высоте поможет от высотной болезни. Больше ничего не помогает, только шоколад. Средства гигиены возьми про запас. Мыло, постирать, если что. Спальный мешок, рюкзак. Ты с чем приехал, брал с собой что?
- Нет, только деньги.
- Понятно. Пойдём, поможем тебе торговаться, тут цены сбивать надо.
Мы попросили счёт. Официант принёс бумажку, друзья-евреи всё подсчитали и просияли. Саша шёпотом сказал мне:
- Официант ошибся на сто рупий в нашу пользу, быстренько рассчитываемся и валим.
Только мы встали, прибежал официант с бледным лицом и, извиняясь, заменил счёт на правильный. Евреи огорчились, но деньги отдали. Вот уж, действительно, евреи есть евреи. Сто рупий – это полтора доллара.

В магазине выбрали экипировку: зелёные брюки х/б, брюки и куртку из гартекса, из гартекса же такой же жёлтый рюкзак. Всё очень недорого. Затем по медицинской части в аптеке приобрели что-то по мелочам.

Выяснилось, что ребята, только что приехав их Тибета, собирались в Таиланд. Саша через ноутбук вышел в инет, поговорил с бабушкой через «аську», потом поискал дешёвые отели, дешёвые билеты. Всё получалось так дёшево, что я даже не мог себе представить, что такое может быть. Но не это занимало мои мысли. Я всё пытался понять, остался ли Тибет обителью чудес, каким был лет двести назад, или нет.
После долгих аккуратных расспросов выяснилось, что много разного происходит с туристами. Например, знакомые евреев были на Эвересте, поругались с местным шаманом. Так он на них лавину спустил. Пообещал – и спустил. Из девяти выжили только трое, но теперь туда ни ногой. Тибетские Учителя были весьма притесняемы в Тибете. Глава секты Карма-па, живший в то время

западнее Лхасы, был весьма удивительным человеком, но и его официальные власти Тибета старались выдворить из страны (и вскоре после моего отъезда из Тибета они его все же выгнали).
Так за разговорами прошло два дня. Наступал день отъезда, и моё сердце радостно билось в ожидании великих перемен. Наконец я смогу повстречаться с настоящим буддийским Учителем, который к тому же сам меня и пригласил!

Вечером началась забастовка таксистов, и юноша в гостинице предупредил меня, что, если я хочу завтра утром попасть на автобус, мне следует заранее договориться с такси. Все попытки привели к неудачам – таксисты категорически отказывались меня везти, а потому пришлось нанять велосипедного рикшу за цену такси. Утром мальчик был у гостиницы. Свежесть и тишина светлого утра радовали, а предчувствия дарили лучшие надежды.

Автобус на двадцать человек был заполнен наполовину.
Дороги были пусты, редкие деревеньки вдоль трассы приглашали в кафе. Остановились лишь один раз, купили воды и продолжили путь.
Дорога вела в гору, и уже очень скоро мы достигли отметки четырёх тысяч метров – так говорил высотомер на часах у японца, нашего спутника.
Постепенно мы въехали в узкое ущелье. Где-то далеко внизу текла река, спуск к ней был весьма крут, а дорога ненадёжна, местами автобус сильно кренился, и водитель просил перейти на сторону автобуса, противоположную крену. Облака не закрывали солнце, где-то внизу рабочие строили гидроэлектростанцию. Ехали полдня, пока автобус не остановился. Водитель сказал нам, что мы приехали, надо выгружать вещи. Дальше дороги нет, надо ждать гида.
Оказалось, что гид проспал и мы уехали без него. Но беда была в том, что у него остались все наши документы.
Вскоре он приехал на стареньком такси, радостный, что всё-таки приехал и мы можем продолжить путь.
«Пропав» в сторону пограничников на полчаса, он пришёл к нам, собрал всех и повёл через границу.
Что такое граница в этом месте? Это мост над пропастью, мост почему-то пешеходный, без всякой возможности по нему проехать. Почему? Я не знаю. Пройдя паспортный контроль на другой стороне, мы скучились, и гид сообщил нам, что надо ехать до деревни – это километров пять. На чём? На грузовике. В кузове. Сервис на грани фантастики!
Забравшись в кузов грузовика, мы подложили под себя наши рюкзаки и взялись за борта. Грузовик стал карабкаться круто вверх, его нещадно трясло, а мы местами подпрыгивали на наших вещах на полметра.
Очень скоро этот экстрим закончился, никто не пострадал, мы вывалились на грязный асфальт.
Гид предложил нам переждать в кафе, а сам побежал искать джипы, что повезут нас дальше.
Кока-кола оказалась по доллару за бутылку 0,3 л, что было чем-то фантастическим в те времена. Тут же подошли менялы, частным образом предлагая обменять доллары на юани. В общем, обычная приграничная суета.

Примерно через полчаса мы загрузились в старые угловатые семиместные лэндкрузеры с карбюраторными двигателями и двинулись в путь.
Моими спутниками оказались поляк Мачек, довольно сносно разговаривающий по-русски и прекрасно владеющий английским; парень с девушкой из Амстердама, ни с кем особенно не разговаривающие; и две немки, паломницы, желающие в Шигацзе пересесть на машину до Кайлаша. Нашим водителем оказался пожилой, сухой, как щепка, тибетец, который в опасные моменты понукал машину, как лошадку, негромкими гортанными покрикиваниями.
А таких моментов за три дня путешествия оказалось немало.

Мы выехали из деревушки, дорога потянулась вверх, мы были на противоположной стороне того же ущелья, которое было от нас раньше справа, а теперь – слева. Поднявшись почти на вершину скального массива, мы наблюдали удивительную по красоте картину. На другой стороне, почти на самом верху, приютился небольшой тибетский храм, аккуратный и изящный в своей красоте. Облака рваным пухом лежали где-то внизу под нами, воздух был прохладен и влажен, чувство

начинающегося волшебства овладело моей душой, так что восторг буквально захлёстывал меня.
К вечеру мы прибыли в небольшую деревню с тибетской гостиницей. Было это довольно высоко в горах, вокруг нас величественно белели снега Гималаев, гостиница была бедная, удобства во дворе, денег просили мало, а номера более походили на комнаты постоялого двора века XIX, чем конца XX. Постельное бельё было своё, но стёганым лоскутным ватным одеялом я воспользовался – утром были заморозки, а отопления не было.
Наспех позавтракав в странном кафе, где было не то чтобы грязно, но скорее убого, мы сели в машины и тронулись в путь.

Красота вокруг нас компенсировала неудобства ночлега, скалы и небо создавали такой колорит, что глаз было не оторвать.
Выехав из ущелья на просторы высокогорного Тибета, мы были очарованы – видно было километров на пятьдесят. Чистый воздух, отсутствие пыли и неплохая грунтовка давали хороший настрой.
Ехали до обеда. Опять постоялый двор, но уже без гостиницы. Тибетцы с любопытством рассматривали нас, а мы – их.
Яки, овцы и бараны вызывали восторг у нас, мы их фотографировали, равно как и тибетских детей. Чумазых и оборванных.
Тибетское кафе – это помещение в двести квадратных метров, расписанное драконами; резные столбы поддерживают крышу; буддийские мотивы вдохновляли художников, расписывающих стены. Но кухня сплошь мясная. Мясо яка во всех вариациях – это основа кухни. А как же буддийское вегетарианство? Его нет. Но русское вегетарианство нуждалось в безмясной пище, так что угощаться пришлось шоколадом и зелёным чаем.
После обеда – китайская застава. Офицер, в коротких салатовых брюках, так что были видны носки, и в таком же салатовом френче, висевшем на нём как мешок, сидел у шлагбаума с важным видном, как один из богов местного тибетского пантеона. Наш шофёр недовольно покачал головой и пошёл договариваться. Как видно, ехать было можно, но нельзя. Некоторая сумма, перекочевавшая в карман мешковидного френча, открыла нам шлагбаум, и мы поехали дальше.

Часам к шести вечера – очень высокий перевал, около пяти тысяч метров над уровнем моря. Ел шоколад и пил чай, наверно, это помогало не чувствовать высоты вообще.
Перевал представлял собой склон горы, достаточно пологий, где-то вдалеке была видна снежная шапка этой горы. Весь склон был вечной мерзлотой, к осени оттаивающей сантиметров на сорок, отчего всё, что окружало дорогу, было просто болотом по колено.
Насыпная грунтовая дорога возвышалась на полметра над этим болотом, но грунт таял, и текла вода. Чтобы она не смывала дорогу, в некоторых местах вместо моста были просто понижения дороги, как бы ямы, которые джипы миновали довольно легко. Но не только джипы ездили тут. Явно индийского происхождения грузовик, преодолевая такую яму, сорвал себе карданный вал, да так и остался стоять, ожидая запчастей. Стоял уже не первый день. И все пытались объехать его вокруг по этому болоту.
Выглядело это примерно так. Около двадцати лэндкрузеров разных лет выпуска и расцветки съехали с дороги и застряли тут же. Кто чуть дальше, кто чуть ближе.
Разговорившись с туристами, мы выяснили, что сидят все с утра, мы их нагнали. Наш водитель ходил с удручённым видом, что-то нашёптывая себе под нос.
Водители и самые крепкие из туристов пытались вытолкать джипы, сидящие на пузе, всеми способами. Главный способ был такой: один водитель сидел в машине и отчаянно газовал, его толкали столько людей, сколько могло поместиться сзади. Все остальные, ухватившись за длинный, метров двадцати, трос, тащили машину спереди. Мне вспомнилась картина «Бурлаки на Волге», но там бурлаки тащили, а здесь дело было дрянь. Джипы, как поросята, сидели в болоте, колёса вращались на месте, и, как я понял, по причине экономии у многих передний привод был отключен, лысая резина (опять по причине экономии) лобызала болотистую почву, и та отвечала взаимностью, не пропуская эконом-класс дальше того места. Я сел за руль. Попробовал враскачку (что это такое, никто не знал). Не помогло. Объяснил водителю, что такое раскачка, пошёл к нашему водителю. Мы стали совещаться. Мой убогий английский и его тибетский дали нам надежду прорваться. Не ожидая, что мы застрянем, он закрепил спереди трос и дал нам в его руки. Мы, трое

его пассажиров, плюс пара мужиков из соседнего джипа (кто ехал с нами в автобусе из Катманду), потихоньку пошли вперёд, ведя нашу лошадку «за верёвочку». Пока машина не проваливалась и ехала по целине, неторопливо прорезая жирную почву, всё было хорошо. Но уже метров через тридцать колея под колёсами стала становиться всё глубже. И мы стали тянуть. Машина, натужно воя двигателем, двигалась. Все остальные участники процессии с других машин побросали свои машины, стали наблюдать за нашими мучениями. И вот, когда машина наша уже почти села на брюхо, я прикрикнул на сотоварищей:
- А ну, тянуть я сказал! Не останавливаться! Навались!
И сам, упершись в землю, приобретя почти горизонтальное положение, закряхтел от натуги. Мои сотоварищи по несчастью, каким-то шестым чувством поняв, что я им сообщил, также напряглись – и машина пошла. Вернее, не остановилась. От напряжения на высоте пяти тысяч метров у меня появился привкус крови во рту, а в глазах стало красно, как если смотришь на огненно-красный закат. В ушах появился гул, но я продолжал тянуть, и секунд через двадцать наша тибетская железная лошадь стояла на дороге. Народ аплодировал, а мы просто упали рядом и лежали минут пять.
В это время навстречу нам ехал митсубиси паджеро второй. Он легко съехал с дороги, легко проехал в сторону заснеженной верхушки горы метров сто. Народ смотрел на это чудо передвижения с раскрытыми ртами. Все сидят, а он, нахал такой, едет! Где ж это видано, а?
Паджерик остановился, народ из него вышел, сделала вдалеке свои дела, опять сел в машину, она тронулась, также легко преодолев оставшийся участок бездорожья, спокойно выехала на дорогу и скрылась вдалеке. Народ сипел от зависти, но делать нечего – надо было тянуть.
Основную часть застрявших туристов составляли японцы, увешанные фотоаппаратами. Им всё было в диковинку и в радость, они, как дети, бегали вокруг машин, что-то балабонили, совершенно не задумываясь о перспективе заночевать тут.
Передохнув, мы сели в машину и поехали. Закат был безумно красив. И тут у меня в ушах начали звенеть колокольчики. Тонко, но явственно. Их хрустальный звон сделал пространство вокруг меня удивительно волшебным. Я спросил Мачека, слышит ли он. Нет, он не слышал. Это было очень красиво, и никто не мешал мне наслаждаться хрустальным звоном высот.
Когда ночь уже опустилась на горы, мы въехали в городок, с трудом разыскали ночлег и пищу (всё было оккупировано теми японцами: они забронировали почти все места), нам отвели кровати в огромном сарае, мест на сто, без перегородок. Стёганые лоскутные одеяла, по два на каждой кровати, да термос с горячей водой – вот и весь сервис. Ладно, хоть так, и то хорошо.
Соседи спрашивали меня, как перевал, – они собирались завтра ехать туда, откуда мы прибыли. Я рассказывал им на ломаном английском. Слушая мою речь, они спрашивали, откуда я – Словакия? Чехия? Нет, Россия. Понятно…

Утро встретило ледком на лужах, звенящим прозрачным воздухом и солнцем. Завтрак прост – булочки и кексы, жареные орешки, нарезанные солёные огурчики, кофе, масло, варёные яйца. Позавтракав, поехали. К обеду добрались до какого-то очень высокого перевала, откуда в ясный день видна Джомолунгма. Было облачно, и мы не увидели ее, но всюду – на камнях и на высохшем дереве – были пёстрые ленточки с текстами на тибетском и санскрите: так путники молили богов гор об удачном пути. После обеда мы стали спускаться в долину, местами спуск был очень крутым. Бурная горная река, тащившая даже валуны, питала долину и давала жизнь полям. Сентябрь был в разгаре, и жёлтые пшеничные поля радовали глаз. Они ютились уступами, начинаясь с предгорий и заканчиваясь у самой воды, чтобы захватить максимально больше плодородной земли. Постепенно расширяясь, долина становилась неким подобием степи, зажатой между гор. Мы подъезжали к Шигацзе по левой стороне долины, у самых предгорий. Вдалеке показались золочёные украшения храмов Таши-Лум-по. Моё сердце возликовало: вот он, оплот Гэлуг во все времена! Вот оно, место моих надежд! Синее небо с игривыми облаками, скальные горы (но без снежных шапок), жёлтые поля и золото Храмов – всё это составляло такой удивительный ансамбль красок, что душа радовалась тому, что было вокруг, а дух ликовал от того, что ждало впереди. Так осуществлялась моя мечта.
Вскоре подъехали к гостинице. Она принадлежала китайцам и существенно отличалась от тибетских постоялых дворов. Построенная недавно, она была больше европейской, нежели азиатской. Здесь мы стали прощаться. Сидя в кафешке, Мачек рассказывал мне о своих приключениях.
Закончив третий курс геологического факультета, он на лето поехал в Турцию. Отдохнув недельку,

решил подработать гидом в туристическом агентстве. Знание английского и русского языков сделали его желанным работником. Договорившись с владельцами двух ювелирных магазинов о дисконте и проценте с продажи, он стал, как бы между прочим, приводить в их лавки туристов, доверенных ему агентством. Те покупали много, а турки отдавали ему положенные проценты. Таким образом, за месяц он сколотил около двух тысяч долларов. Но неуёмная душа жаждала перспектив карьерного роста, и он поехал в Иран. Дешёвый бензин и еда потребовали совсем немного денег. Дальше была Индия, также дешёвая и интересная. Он изучал эти страны не просто как турист. Он изучал туристические маршруты, которые затем смог бы предложить в Польше. После Индии – Непал и вот Тибет. После он планировал посетить Пекин и на поезде – до Москвы, а оттуда – домой. Так, посмотрев Азию и Россию, он намеревался сделать карьеру в туристическом бизнесе, и я не сомневался, что парень добьётся своего.
А между тем, моим спутникам пора было ехать далее.
Сердечно попрощавшись с Мачеком, пожелав остальным спутникам удачи, я пошёл отдыхать. Впереди было неизведанное – встреча с Тем, кто был, безусловно, мудрее и выше меня в познаниях. С Буддистом. О нём я не рассказывал никому.

Темнота опустилась на город. В гостинице было приветливо, светло, горничные улыбались; чистая постель, наконец обретённая мною впервые за последние несколько дней, порадовала, равно как и душ с туалетом.

От моего месячного пребывания в Тибете прошло всего три дня, остальное время я намеревался до последнего дня пробыть здесь, так что надо было осваиваться.
Следующим утром я пошёл в Таши-Лум-по. Это легендарный монастырь: тут жил Цзон-ка-па, тут ходили Махатмы и Риши, отсюда начались реформы буддизма, и именно отсюда Учение Калачакры стало распространяться по всему Тибету и дальше. Эти древние стены и площади манили меня с удивительной силой. Нечто захватывающее обещали они.
Монастырь стоял на склоне самой высокой из гор, окружавших долину. «За этой горой открывается, наверное, вид на все дали»,- подумал я.
Горы имели интересную структуру. Их слоистые камни все, казалось, лежали почти на боку, под углом примерно в 40 градусов к основному плато. Такое чувство, что кто-то однажды огромных размеров, до неба, бороной взял и вспахал эти камни, делая борозды направо и налево, отваливая, таким образом, глыбы гор. Так они и застыли с тех пор, а реки и дожди проложили долины и нанесли плодородной почвы. Так представилась мне история здешних краёв.
Сначала я обошёл монастырь по наружным границам. Стены были невысоки, но перелезть их снаружи не представлялось возможным. Внизу в стену были вмонтированы бронзовые барабаны с молитвами – трогая их рукой и вращая, ты как бы молился. Забавно…
В правом нижнем углу монастыря находилась большая белоснежная удивительной формы ступа.
В самом верху, у стены, находились храмы с золочёными украшениями на крышах, а в самом верху – фестивальная стена. Что это такое и почему она так называется, я не знал.
Практически на всей территории монастыря стояли невысокие одно- и двухэтажные жилые строения, мостовые соединяли различные части монастыря узкими улочками, во многих местах росли невысокие тенистые деревца.
У храмового комплекс я встретил парнишку, пытавшегося объяснить что-то на ломаном русско-английском местному монаху. Тот упорно не понимал.
- Привет. Я русский.
Он удивлённо посмотрел на меня.
- Ага. Вот… Пытаюсь тут добиться от человека…
- Что за проблема?
- Да вот, хотел заночевать на территории монастыря, в палатке.
- Сдурел? Не пустят.
- Я уже понял.
- А что не в гостинице?
Парень поведал мне забавную историю своего путешествия.
Оказывается, он сам из Москвы. Весной работал на стройке, а к лету решил попутешествовать.

Автостопом. Собрал вещички, вышел на Рязанский проспект Москвы, остановил грузовик и поехал. Ехал он, ехал автостопом – и приехал в Шигацзе. Круто!
Рассказывая подробности своего путешествия, он так увлёкся, что только через два часа, когда стало уже темнеть, мы опомнились и пошли из монастырских стен.
- А как ты питаешься?
- Ну, какие-то деньги у меня были, но обычно так: заходишь в китайский или тибетский ресторан, говоришь, что денег нет, они бесплатно чашку риса всегда дадут. Народ не жадный.
- А ночевать?
- Так у них крыши все плоские, я палатку прямо на крыше гостиницы обычно ставлю, разрешают. Вот думал в святом месте переночевать, так не дают.
- А дальше как?
Я был впечатлён подвигами парня. Я бы на такое не решился.
- Ну, дальше – в Лхасу, а оттуда – в Россию, там уже проще будет.
А деньги у тебя остались?
- Да немного совсем…
Я дал парню сотни три юаней, что было неплохо – чашка риса стоила около одного или дух юаней, а доллар около восьми.

Сидя возле монастырской стены, мы говорили о Гималаях.
- Скажи, Володь, а что тебя потянуло в Тибет?
Он подумал немного:
- Что-то таинственное тут…
Помолчали.
- А что?
- Не знаю, но что-то есть.
- О мудрецах тибетских что-то слыхал? Говорил кто?
- Так, чуток было. Говорят, что, когда китайцы пришли, мудрецы не ушли никуда. Ну, в Индию или Непал… А что живут они где-то в горах.
- А что ещё говорят?
- Да никто ничего толком не знает.
- Но раньше Мудрецы ходили здесь, у этих стен, и учили в этом монастыре.
- Я знаю. Но их тут и след простыл.
- Так зачем ты сюда попёрся, а, Володь?
- Я ж сказал – таинственное что-то в этих местах. Другого такого места на Земле нет. Вот мудрецы ушли, а таинственность осталась.
- Это ты точно сказал. Осталась. Ты знаешь, я, как приехал, всё чувствую, как кто-то наблюдает, как взгляд в спину, понимаешь?
- Да, наверно, не китайцы за тобой следят, зачем ты им нужен?
- Вот и я думаю, ещё с Непала началось. Тут сильнее. Может, мудрецы?
Он помолчал:
- Может, и они. Это даже было бы хорошо, если бы они. Всё ж лучше, чем нечисть какая.
- Это точно.
Наш разговор перешёл на бытовые темы – оказалось, везде есть рынки, где можно купить продукты, а в кафе попросить их приготовить – и дёшево возьмут. Этот совет был неоценим, ведь почти все блюда кухни были с мясом, мне с моим вегетарианством было практически нечего есть.
На том и расстались.
День закончился, но с ним тревога о Встрече не ушла. Мысли крутились вокруг одного: я сюда приехал, потому что меня пригласили. Где приглашающая сторона? В том, что приглашение было, я не сомневался – слишком уж чётко были указаны даты, даны средства, и именно столько, чтобы приехать сюда.
С этими мыслями я и заснул.

Последующие дни были наполнены мыслями и поисками, поисками и мыслями.
Что мне делать? Сколько ждать и чего? Может, я что-то сделал не так? Почему ничего не происходит?

Неужто я сюда приехал просто так?
Сомнения доставали меня со страшной силой, и иногда чуть ли не отчаяние одолевало.
Но что для меня важно? То, что меня не встретили? Или предощущаемая мудрость Буддиста? Ведь я ощущал и тогда, и сейчас, что Он велик и мудр. Я знал, что именно Он пригласил меня. Он не выдумка. Но что ж он медлит?

Полторы недели спустя я уже изучил все окрестности и вполне освоился по хозяйству. Покупал жёлтый рассыпчатый картофель и вкуснейшее сливочное масло на базаре довольно дёшево даже по российским меркам, приносил их в гостиницу, и за скромные 10 юаней повар готовил мне в скороварке (на высоте 3400 метров, где располагался Шигацзе, вода закипала при температуре около 60 градусов по Цельсию) вкуснейшее блюдо. Плюс фрукты. Так я и жил.

К середине второй недели стала одолевать тоска по дому. Всё-таки не такой уж я крутой путешественник, чтобы чувствовать себя всюду как дома. Надо было что-то делать, иначе так можно лить слёзы целыми днями без всякого проку. Я стал ходить в горы. Вокруг Шигацзе были горы – где больше, где меньше.
Сначала я обследовал горы над монастырём Таши-Лум-по. Первые два дня давались тяжело, горы были высоки, а подготовки – никакой. Но на третий день я смог довольно легко и без усталости достичь вершины горы и, став на самой её вершине, посмотреть на ту сторону хребта. И сразу же пожалел, что не взял с собой фотоаппарат. Просторы, огромные просторы и новые хребты, уходящие вдаль… Это была очень величественная картина. Шигацзе был как на ладони, и Брахмапутра сияла, отражая солнечные лучи.
На следующий день я обследовал горы, находящиеся с другой стороны города. Это был невысокий хребет, находящийся от гостиницы километрах в пяти. Был он высотой около трёхсот метров и лежал как поверженный дракон, начинаясь от самой земли и примерно под тридцать градусов уходя вверх. Исследовав его утром, я решил прийти сюда после обеда и побыть до вечера.
Пообедав и взяв с собой фрукты, часов в пять вечера я поднялся на этот отрог, нашёл удобное место, положил рюкзак на землю и лёг. Я смотрел на облака, смотрел вдаль, вниз.
Где-то внизу монахи в притоке Брахмапутры стирали свою одежду, весело брызгаясь водой. Какой-то звук за моей спиной привлёк моё внимание. Я обернулся и обомлел. Огромный горный орёл сидел метрах в десяти от меня и недовольно клекотал. Видно было, что орлу неприятно делить со мной территорию. Поворчав минут десять, он улетел. Вскоре и я стал спускаться в долину.
Весь следующий день я был сам не свой. Зачем я здесь? Где Тот, кто меня ждёт? Почему я вынужден терять драгоценное время пребывания здесь на всякие глупости? Я смотрел в лица проходящих мимо людей. А вдруг кто-то из них скажет мне то, что так ждёт моё сердце? Оттуда мне знать, кто принесёт мне Весть? В том, что она обязательно будет, я не сомневался.
В этот день я решил пойти на «орлиную гору», как я назвал её, ближе к вечеру. Очень хотелось посмотреть на ночные звёзды в горах, вдали от суеты.
Взяв куртку и брюки из гартекса в рюкзак, я вышел из гостиницы около шести вечера. К восьми уже был на месте. По небу медленно двигались облака в виде стремительных всадников. Эти небесные кони были удивительно похожи на настоящих, а люди на них, прижавшись низко к гривам небесных скакунов, погоняли своих лошадей палками или плётками, стегая их по крупу. Кони летели, а я горевал. Для чего я здесь? Чтобы смотреть на облака и на звёзды?

Ночь пришла быстро, накрыв покровом спешащий город. Зажглись фонари и свет в домах, своей иллюминацией не давая звёздам проявиться во всей красоте. Млечный путь, Орион были ясно видны, но свет города делал их такими, как я привык их видеть в средней полосе России, а не такими, какими они могут быть видны в Средней Азии, где располагался Шигацзе. Да ещё и на высоте трех с половиной тысяч метров над уровнем моря.
Полежав часов до одиннадцати вечера на тёплых ещё камнях, я встал, натянул на плечи рюкзак и тронулся в путь, освещая дорогу фонариком. Я легко спускался вниз по пологому склону, который был мне уже знаком. Видя такую лёгкость и безопасность, я выключил фонарик и пошёл, различая тропинку в свете звёзд. Собственно, тропы не было, но лишь очертания кряжа, который и был ориентиром. Пройдя так несколько шагов, я вдруг совершенно явственно метрах в пяти слева от

себя услышал голос, обратившийся ко мне на чистом русском языке. Голос назвал меня тем именем, которое дал мне Буддист:
- Д., ты выбрал опасную дорогу.
Голос этот застал меня с уже занесённой вверх ногой. Опуская ногу, я внутренне сгруппировался, и, когда нога, не нащупав скальной поверхности, стала проваливаться в пустоту, я не перенёс на неё весь вес тела, а, упав на колени, всё-таки успел ухватиться за камни. В тот вечер я чуть не погиб, ведь скатись я - и утром моё тело, переломанное и остывшее, осталось бы только похоронить. Высота в том месте была не менее двухсот метров. Оправившись от волнения, я возликовал: голос действительно был, это не было галлюцинацией, и он спас меня в последний момент, как обычно и поступают мудрецы буддисты! Более того, он обратился ко мне по имени, которое дал мне Буддист, значит приглашение – это не моя фантазия, а реальность! Волна счастья прокатилась по мне как цунами. Все волнения, переживания, вся тяжесть последних дней улетучились как дым на ветру. От сомнений, что так душили меня все эти дни, не осталось и следа, и на душе стало так легко и счастливо, как не было никогда в жизни!
Идя в гостиницу, я вспомнил, что Юрий Рерих описывал в дневниках, как его спасли в пустыне Гоби. Дело было так. Сделав вечером остановку, караван расположился в покинутом лагере Дже-Ламы. Юрий избрал себе для ночлега деревянную палатку с маленьким окошком. Углубившись в чтение при свете масляной лампы, он не заметил, как наступила ночь. Тут женский голос сказал ему: «Пригнись!». Оглянувшись и не увидев никого вокруг, он подумал, что ему почудилось. Через несколько секунд голос повторил приказ, но Юрий опять не обратил на него внимания. В третий раз голос был подобен грому и, сопровождаясь электрическим разрядом, бросил Юрия на пол. В этот миг раздался выстрел, и, разбив окно, пуля пролетела там, где только что находилась его голова. Тибетские мудрецы спасают только в самый последний момент – это я точно помнил. У меня не осталось и тени сомнений, что я приглашён не зря.
Придя в гостиницу, я лёг спать с лёгким сердцем. Утром проснулся часов в пять утра, меня выворачивало наизнанку, сильно тошнило. Солнечное сплетение ломило и крутило. Помучившись позывами рвоты, я лёг спать.

Проснувшись поутру, в первую очередь, восстановил в сознании все подробности вчерашнего вечера. Звёзды, спуск, Голос, победа над сомнениями, что так глодали мне душу, воспоминание об опыте Юрия Рериха… Тогда в дневниках он ещё написал, что с того момента началось его знакомство, а позднее и сотрудничество с Махатмами Химавата… Помнится, после он утверждал, что даже побывал в Шамбале, которая находится в Танг-ла… Интересно, где это? Наверно, в районе Кайлаша или южнее… А меня пригласят … в Шамбалу? Ну не сейчас, понятно, а когда-нибудь?
Вообще, моё теперешнее состояние очень напомнило мне озарение на Селигере, когда покой снизошёл на душу и я почувствовал силу. Так и теперь – спокойствие и уверенность. Понял я, что, даже если никогда не увижу Махатм и не услышу этого чудесного голоса, я всё-таки не буду сомневаться в Их существовании и в участии Их в моей жизни. Они есть, и Они обо мне знают. А дальше всё зависит от меня.
Так, сидя в номере, я обрёл совершенный душевный покой, и ни тени сомнений не появлялось более во мне. Я понял, что нужен был здесь и что приехал не зря. Что будет дальше? Я не сомневался, что что-то да будет.
Примерно перед обедом в мою душу вдруг ворвался вихрь торжественности и почитания Махатмы. Я понял вдруг, сколь Он высок в своей святости и всепланетности, другого слова и подобрать трудно. В этот момент ярчайшего осознания Его значения и значимости я боковым зрением увидел, что в комнате есть, кроме меня, кто-то ещё. Я быстро завращал головой, пытаясь увидеть, кто именно стоит у меня за спиной, но изображение как бы растворялось. Я видел и не видел одновременно. Вместе с тем, создавалось впечатление, что я вижу невысокого тибетца, коренастого и улыбчивого, в тёмно-красном, типичном для монахов, одеянии. Я понял, что он стоит рядом и именно его посещение вызвало во мне такую бурю чувств. Было открытием знать, что эти чувства принадлежали ему, а не мне. Это он так чувствовал, а в меня эти чувства перетекли, как, бывает, перетекает вода из одного сосуда в другой, если ей никто не мешает. Видимо, он поделился со мною своими чувствами и смотрел, приму ли я такое же отношение, не стану ли ему сопротивляться.
Это некое испытание на созвучие миру Махатм. Если сердце моё созвучит в унисон – значит,

оно тут же примет все их чувства как свои собственные. А если нет, если я притворялся, или был неискренен, или в сердце затаил нехорошее, то чувства эти, конечно же, не пролились бы в меня как водопад. Это мне стало ясно тут же.
Улыбнувшись, я приложил руку к груди, немного поклонился как бы вбок и так в поклоне и застыл. Вдруг в моём сознании прозвучала мысль, яркая, как вспышка солнца в тёмной комнате, где внезапно отворили ставни ярким солнечным днём: «К вечеру будь один и в покое. Он придёт».
Всё естество моё задрожало от радости, и я тут же проникся глубочайшей благодарностью к этому вестнику. То, что это он и был, не вызывало у меня и тени сомнения. Впечатления от его посещения были столь ярки, что вся моя жизнь казалась мне более блеклой, чем эти минуты общения. Что-то настоящее было в нём – более настоящее, чем жизнь человека, и это придавало нечеловеческую уверенность во всём происходящем.
До вечера я не ходил, а летал от счастья.
Около семи часов вечера, сделав все земные дела, я сидел в глубоком сосредоточении и ждал. Не может быть, чтобы ничего не произошло. Уверенность в наступающем событии была столь велика, как если бы это было не нечто из ряда вон выходящее, а происходило со мною уже не раз, и я уже даже успел привыкнуть к этому. Но не привычка, а уверенность в правдивости наполняла меня. Это как преданность к Жизни, к которой посчастливилось прикоснуться.
И вот наступил момент, о котором и было сказано, – Он пришёл.

На что это похоже?
Трудно сказать. Как если бы всю жизнь ничего не знал, а тут вдруг стал понимать многое. Как если бы никогда не видел, а тут вдруг стал видеть. Или был глух, а тут звуки стали ясно доноситься до слуха… Вот как к этому отнестись и как описать тем, кто продолжает не видеть и не слышать?
Так и здесь. Всё существо моё утончилось так, что, хотя Его бестелесная фигура и не была видна моему физическому взгляду, я чётко знал, где он стоит, как выглядит, и даже его взгляд был вполне ощутим, как если бы это был взгляд физического человека. Так вот кто наблюдал за мною всё это время!
Но не это наполняло меня. Чувства, гораздо более сильные, чем в момент утреннего посещения улыбчивым монахом, бушевали во мне. Как их описать?
Можно сказать так: темя моё вдруг разверзлось, и я самим существом своим стал видеть звёзды. И звёзды, и планеты, и черноту Космоса, но главное – я понял, что такое Беспредельность. И это было не некое мимолётное чувство, которое, едва ухватишь, тут же улетает. Вовсе нет. Это было вполне стабильное состояние сознания. Ощущая, что поток моего внимания и мыслей стремится вверх, тем не менее, я чувствовал: я сам весь был Беспредельностью в тот момент. Беспредельностью познания. Я стал способен знать так много и так глубоко, что это удивительное свойство заставило меня совершенно забыть, кто я и где я. Любой вопрос мой тут же находил ответ свой в самый момент своего зарождения. И ответы эти были так глубоки, как и само бездонное небо, под которым я оказался. Понимание всего, глубокое и вечное, стало моим «Я» в тот момент. И так продолжалось несколько минут. Затем ощущение Беспредельности и всепонимания стало таять. Через полчаса от него остались лишь глубина понимания и потрясение от открывшегося мира. Такое невозможно было себе представить даже в самых смелых мечтах. Именно не разговор, но Откровение – вот что произошло между мной и Махатмой в тот вечер.
Потрясённый, я сидел в кресле и думал. Так что это такое – «Мир Махатм»?
Мир абсолютно искренних чувств, чистых, как алмаз, и сильных, как ураган? Но это лишь преддверие в Их Мир.
Мир Откровения и всепонимания? Но так он открылся мне, и это не значит, что так он откроется кому-то ещё.
Мир мудрости и Беспредельности? Но Беспредельность – его основа, а мудрость – следствие от знания его, но не сам Мир. Можно было сказать, что, как роса рождается, когда небо опускается на землю, лишь в момент их соприкосновения, так и мудрость рождается, когда осознание Небес прикасается к земным явлениям. Когда же сознание Небес не касается Земли, оно не проявляется в виде мудрости.
В любом случае, дух мой ликовал, и, как туман опускается на поля в предрассветный час, так и спокойное счастье опустилось мне на душу. С тем я и заснул.

На следующий день всё повторилось.
Опять улыбающийся тибетец пришёл часов в одиннадцать утра и порадовал мыслью о продолжении Общения.
Часов в пять вечера я уже ждал, и ближе к половине шестого Беспредельность разверзлась надо мною, а мягкий свет души Махатмы окутал мои чувства неописуемой чистотой восприятия Небес, так что весь окружающий меня мир перестал существовать.
Я был всем, я был Беспредельностью, и в то же самое время находился в гостиничном номере в Шигацзе.
Нельзя сказать, что каждый раз Беспредельность была та же или что она была другой. Каждый раз это было очень необычно, удивляло и дарило чувства, настолько непохожие на прежние, земные, что не возникало желания сравнить, был ли похож предыдущий день на нынешний.
Вместе с тем, моё сознание «человека мирского» также стало меняться. Вечерние Откровения не проходили бесследно, они оставляли весьма значительный отпечаток на моих чувствах и после того, как ощущение Беспредельности и мощи Знания таяло.
В первую очередь, я отметил, что, глядя на окружающий мир, стал разделять в нём внешнее, суетливое от внутреннего, главного. Скажем так, суета более не прельщала. Мир как бы разделился на чёрно-белую очевидность и яркую, залитую слепящим солнцем Действительность, которая была частью моего мировосприятия, но, тем не менее, была реальнее, чем я и весь этот мир. Такое разделение не пугало, скорее наоборот. Теперь я знал истинную ценность всему, а потому не обращал внимания на то, что было лишним и ненужным.
Во-вторых, и сами мои чувства стали неумолимо меняться. Как если бы кто-то очень мудрый и очень сильный наложил свою Руку поверх моего сердца, отделяя в моих чувствах то, что ценно, от того, что не ценно.
Неценные отбросы эмоций я стал воспринимать как шелуху, пыль, как сухие листья вчерашнего дня. Вместе с тем, как вечные горы всегда радуют своей красотой и молчаливой значимостью, так и в моих чувствах стали превалировать ощущения целостные, непреходящие. Разделённые, чувства как бы предлагали мне каждый раз выбрать – что я желаю: шелуху суетности или монолитность гор. Я избирал так полюбившиеся мне горы и радовался возможности выбора. Ведь пока этого разделения не произошло, по сути, и выбора не было. Мне это очень напомнило фразу из «Книги Золотых Правил»:
«...«Великий Просеиватель» – имя «Учения Сердца» Колесо Благого Закона в неустанном быстром вращении; Оно дробит днем и ночью. Неценные отбросы отделяет оно от золотого зерна, мякину – от чистой муки. Рука Кармы направляет колесо; его обороты отмечают биение ее сердца.
Истинное знание – мука, ложное знание – мякина. Если хочешь ты питаться хлебом Мудрости, замеси его на чистых водах бессмертия (Amrita). Если же замесишь ты отбросы на росе иллюзии Maya, приготовлена будет тобой лишь пища для черных птиц смерти, для птиц рождения, разрушения и скорбей».

Так вот, эту борьбу я стал вполне реально наблюдать в самом себе, чётко понимая, что является тленными отбросами, а что – золотым зерном.
Это ощущение Руки на чувствах держалось потом очень долго, около года.
Я понимал, что эта Рука – нечто мудрое и сильное, но, вместе с тем, не моё, но внешнее, помогающее.
Откровения продолжались каждый вечер. Я уже привык к этому ритму. Неважно, шёл ли я по улице или сидел в номере, подходил тибетец, напоминал о вечернем посещении и растворялся.
Наступал вечер, вместе с ним в мою душу врывалось знание Беспредельности, возможности моего сознания расширялись безмерно, и где-то в глубинах моего «Я» рождалась способность воспринимать этот новый, удивительный Мир ещё глубже.
Вот уже я знал, что мысли бывают имеющие форму, а бывают – формы не имеющие.
Вот уже я мог внутри себя отличать мысли свои от мыслей других так же легко, как сказанные слова.
Вот уже осознаю я, что океан Истины существует, что он вполне материален и что можно черпать из него даже без книг.
Вот уже понимаю я, что мир Махатм держится равновесием, суть которого – в том, чтобы, не удаляясь от людей вообще, стараться ни в коем случае не приближаться ближе дозволенного

Законом. И я знаю этот Закон и вижу, что можно, а что нельзя – я знаю это так, как если бы моё Знание родилось вместе с этим мудрым и безграничным Законом, распространяющимся через все миры и через любые ситуации.
Многое, многое такого, о чём даже и рассказать нельзя, стал понимать я так же чётко, как таблицу умножения. И даже когда Беспредельность таяла во мне, я не переставал знать так. Исчезая, часть её всё-таки оставалась и в моём человеческом уме, и многое из того, что я знал чётко в момент Откровения, я помнил, хоть и смутно, во всё остальное время своей жизни. Так знание Махатм перетекало в меня, как в кувшин набирают воду.
Вместе с тем, ощущение счастья и безмерного покоя стало день ото дня всё больше и больше наполнять мою душу. Как расплавленный воск заливают в формы, так и меня переполняло счастье от близости океана Мира Махатм. И чем больше я постигал, тем безмернее становилось это счастье.

Вообще с едой были проблемы, и серьёзные. Буддисты, они, конечно же, буддисты, но мясо любят больше христиан. Найти в ресторане безмясное блюдо было равносильно подвигу. «Фрайд потейто», жареная картошка, – это, пожалуй, единственное блюдо. Что оно собой представляло: картофель, наструганный на тёрке длинной соломкой, обданный горячим маслом. В общем, сырой картофель с маслом. Большие, как уши, китайские грибы. Рис в любых количествах и вариациях. На этом – всё. От риса изжога становилась просто нестерпимой.
Солнечное сплетение ломило почти не переставая, от этого все внутренности были, как раскалённой кочергой, обожжены. На опалённых слизистых уже заселилась враждебная микрофлора, враждебная даже к патогенной российской, это я помнил ещё из курса микробиологии. Так что без антибиотиков мне было явно не обойтись.
Но каждый вечер приходил Махатма, и солнечное сплетение от этого продолжало опалять собой, как солнце планеты, органы брюшины. Но если бы меня спросили, готов ли я и дальше терпеть боль и неудобства, я бы с радостью согласился, да и вообще, пожелал бы отсюда не уезжать. Волшебство Беспредельного Знания продолжалось, и ничего прекраснее в жизни представить было нельзя. В Лхасе воздействие Махатмы стало не таким мощным, оно как бы потеряло в силе и интенсивности, но Знания продолжали литься рекой в моё распахнутое сознание.
С крыши отеля хорошо был виден город. Потала и площадь перед ней, с другой стороны отеля – древний монастырь, самый влиятельный и могущественный не только в прошлом, но и в настоящем. Оставалось несколько дней до отъезда, и надо было успеть всё осмотреть. Потала впечатляла – и мощью крепостных стен, и высотой зданий, и богатством убранства, и старинной культурой, из которой, как я слышал, развились все европейские культуры. Площадь перед Поталой своим размахом напоминала Красную Площадь в Москве, а фонари на площади – сталинский стиль. Гид подтвердил, что эти лампы китайскому правительству подарил Сталин – специально для этой площади как дружественный знак коммунистическому китайскому народу.
С крыши Поталы открывался вид на всю долину, а город вообще лежал как на ладони.
Но, в принципе, меня уже ничто особо не впечатляло. Основные эмоции я испытывал по вечерам. Когда Беспредельность открывалась над теменем и я, становясь частью её, узнавал каждый раз что-то новое.
Однако время действия визы подходило к концу - пора было настраиваться на обратную дорогу.
Рано утром автобус забрал меня, в числе прочих туристов, из отеля и повёз в аэропорт. Было раннее утро, темно, и огромные звёзды смотрели в окна автобуса. Здесь, между Лхасой и аэропортом, вне городской иллюминации, небо было по-настоящему интригующим, а звёзды – огромными.
Здание аэропорта было сконструировано в современном стиле, но аэропорт был по совместительству и военным, и за окном то и дело взлетали военные самолёты. Это были старые МИГи, на таких ещё Гагарин летал. Как они летали столько лет – мне было совершенно непонятно.
До самолёта – четыре часа, и делать было нечего. К счастью, я совершенно случайно познакомился с пожилым американцем русского происхождения, эмигрантом из России. Всё это время мы с ним проговорили на одном дыхании. Его история заслуживает отдельного рассказа.

Рассказ русского из Америки

В конце семидесятых он с женой уехал в США. Тогда это казалось чем-то совершенно нереальным, но он смог. Работая корреспондентом центральной газеты, он бывал в разных странах в командировках и понимал, что жизнь в СССР неуклонно катится вниз, а нефтедолларов на всех никогда не хватит.

Ухватившись за появившуюся возможность, он справил документы себе и жене. Приехав в США, они старались, как могли. Кроме журналистского мастерства, оба ничем не владели, а потому единственный шанс для них не быть до конца жизни уборщиками – это русскоязычная газета. Такая была в Нью-Йорке, туда они и направились. Устроиться было крайне трудно, а журналистом – и вовсе невозможно, так что пришлось в издательстве поработать и уборщиками, и корректорами. Таким образом, освоив несколько профессий, сопутствующих газетному бизнесу, они получили подарок судьбы – место в журналистском отделе.

Понимая, что здесь ни с кем нянчиться не будут, он работал как проклятый, жена не отставала. Очень быстро неутомимой трудоспособностью зарекомендовав себя с самой лучшей стороны и подтвердив свой талант журналиста, он стал заместителем редактора. Зарплата позволила откладывать деньги «на старость», да и дела в газете шли всё лучше. Ближе к 90-м из СССР повалил поток эмигрантов, так что газету стали читать гораздо больше людей, чем раньше. И вот, когда к концу 90-х ему стукнуло 65 и пришла пора выходить на пенсию, оказалось, что он не просто уважаемый, но и зажиточный человек. Благодаря умелым вложениям их накоплений (этим занималась жена), акциям в капитале газеты (он покупал их понемногу с каждой зарплаты), а также бонуса от владельца газеты (около 2-х млн. долларов), он, выйдя на пенсию, оказался владельцем более чем пятимиллионного состояния. Это не очень много по понятиям американцев, но очень неплохо для человека, который в сорок лет вынужден был начинать всё сначала на чужой земле.

Как распорядиться капиталом? Налог на наследство в США – один из самых высоких в мире, а дети сами крепко стоят на ногах, так что дарить им деньги – смысла никакого.

Уже много лет он отсылает хорошие чеки в Россию, близким родственникам, но им так много давать тоже смысла нет. Все драгоценности, которые хотели купить жене, уже купили. Билеты на лучшие спектакли Бродвея у них всегда были выкуплены на полгода вперёд. Осталось одно – повидать мир. Пока работали, они не могли себе этого позволить, так что теперь – самое время.

В 65 лет нет сил ходить в пешие походы, а голова, благодаря хорошим витаминам и отменной привычке думать, работает отлично, так вот хочется не просто смотреть на мир, но ещё и понимать, что ты видишь. Для этого нужен хороший гид в любом путешествии. По мнению зажиточной американской публики, самый лучший гид – это профессор американского университета, седой и много знающий. А лучший сервис – это когда твой багаж стоит у дверей твоей гостиницы вне зависимости от того, помнишь ты о нём или склероз не даёт тебе возможности о нём помнить.

Так вот, такие зажиточные пенсионеры собираются группами по 20-30 человек, в гиды берут профессоров, которым оплачивают не только дорогу, но и недешёвые услуги, и путешествуют, путешествуют, путешествуют…

Мой новый знакомый, русский американец, решил с женой, что больше двадцати лет они не проживут, а через 20 лет путешествовать точно не смогут. А раз так, за эти 20 лет можно получить массу удовольствий. Причём так, чтобы часть денег продолжала работать и приносить прибыль, а дивиденды и часть основной суммы можно потихоньку тратить.

Интересно, но каждый день путешествия в таком небедном обществе, организованного туристическим VIP-агентством, обходился этой семейной паре примерно в тысячу долларов, ну, может, чуть меньше. А путешествовали они не менее четырёх месяцев в году, прямо как мои знакомые евреи. Но те путешествовали, пока молоды и сильны, а эти - будучи уже старыми и немощными, зато с большим комфортом.

Каждый год они были вынуждены менять свои загранпаспорта – некуда было клеить визы. В этом году уже были в Китае, в Антарктиде, проехали пол-Европы и успели составить своё мнение о мире. По их мнению, армия Китая – это колосс на глиняных ногах, и держится она только безумным количеством народа и ядерным оружием, всё остальное – это сплошное разгильдяйство и показуха, так что ни Штатам, ни России она не ровня. Антарктида тает и скоро затопит половину

мира, а Европу ждёт страшный экономический кризис просто потому, что слишком уж она стара, а старики больше любят отдыхать, чем работать. Молодые – Китай, новая Россия, США – да, будут развиваться, а Европа – скорее всего, нет.

Я слушал этого немолодого, умудрённого опытом человека, о чём-то спрашивал его, он неторопливо отвечал. Он расспрашивал меня: как там Москва-матушка (в этом году надо бы и туда слетать)? Как люди живут? Что такое евроремонт (а то в инете пишут, а что такое – не говорят)? Я охотно рассказывал ему: что да как. А сам думал, хотел бы я себе такой старости или нет…
Вскоре объявили посадку, и мы пошли сдавать багаж. Оказывается, надо платить депачча-прайс, плату Китаю за право покинуть их страну, какую-то мелочь в долларах. Старик охотно, но с достоинством помог мне поменять сто долларов. На том и расстались. Его жена уже не говорила по-русски, уже забыла его и потому в разговоре участия не принимала, лишь помахала мне на прощанье рукой, другой рукой задумчиво поправляя шейный платок, скрывающий морщинистую шею.
Мы сели в самолёт, а я всё думал – как представляю себе свою старость? Раньше я об этом не задумывался. Ну, наверное, хотелось жить не в нищете, это ясно. А как?
Самолёт пролетал мимо величественной Джомолунгмы. Глядя на эту «крышу мира», я думал, что она настолько же превышает все окружающие её горы (в основном, не менее восьми тысяч метров высоты), насколько обычные горы возвышаются над долинами. Это было потрясающее зрелище – величественный массив, в присутствии которого все остальные казались невысокими и явно находившимися в услужении у гиганта.
При посадке лётчики совершили ошибку и пошли на повторный разворот. Мой желудок и кишечник, опалённые многодневными горениями огней солнечного сплетения, заселённые какой-то ужасной боевой, явно патогенной флорой, бунтовали и требовали срочного избавления от всего содержимого сразу. Я держался изо всех сил, чтобы не допустить конфуза. Так что посадка для меня была просто незабываемой.
Непал встретил ярким синим солнечным небом, досмотром на таможне и новой платой за визу. Оказывается, когда я прилетел в Непал первый раз с желанием проследовать в Тибет, надо было брать визу транзитную, так гораздо дешевле.
Но деньги ещё оставались, так что расстраиваться повода не было – не последние.
Быстро добравшись до «Синей птицы», в которой жил до отъезда в Тибет, я порадовал портье разросшейся бородой. В связи с началом туристического сезона, цены на номера поднялись вдвое, но делать нечего. Лечение решил оставить до России. Несколько дней на покупку сувениров, и – в Россию. Но улетать страсть как не хотелось.
Случайно наткнулся на евреев, только что вернувшихся из Таиланда. Они огорошили меня:
- Да у вас там в России вовсю идёт война!
- Что?
- Взрывают жилые дома, танки на улицах, в Чечню введены регулярные войска, люди в панике!
- Ни фига себе...
- Да уж, пока тебя не было, мир изменился...

Пора было собираться домой.
Но что же всё-таки переменилось во мне по возвращении в Непал? Я понимал, что в Москве изменения будут ещё сильнее, но в том же направлении.
Во-первых, в Непале ощущения Махатмы стали ещё слабее, смазаннее. То есть они были так же реальны, но ощущения Беспредельности уже не затапливали сознание и не дарили смыслами. Я понимал, что, когда прилечу в Москву, эти моменты счастья совсем ослабнут. Единственное, что радовало, так это общий фон безбрежного счастья.
Во-вторых, казалось, Откровения так сильно пропитали меня, что моим нормальным состоянием было ощущение полёта и света. Не было ничего такого, что могло бы омрачить мою жизнь просто потому, что свет и счастье покрыли собою все неприятности. Таким счастливым и устремлённым, знакомым с Миром Махатм я вернулся в Россию.
Что же пожелал мне Махатма в дорогу, с каким напутствием отправил?
Я помню его грустный взгляд. Он знал, что мне будет непросто. Но необходимость продолжения

земных дел и отдачи земных кармических долгов предполагала жизнь в России, а не в Тибете.
Я знал, что семь лет после инициации необходимо прожить жизнью простого человека, без всяких намёков на исключительность. Встреча с Махатмой – это скорее аванс. А вот пройти после этого всевозможные испытания в условиях обычной жизни, как бы одному, как бы в небрежении и не растерять этот Свет и эту мудрость – вот что сложнее всего.
Я знал, что семь лет за мною будут наблюдать пристально, взвешивая на весах высшей справедливости каждую мою мысль, оценивая меня как будущего сотрудника, как это было со всеми моими предшественниками. Я знал, что спустя семь лет во мне поднимется волна сердечной тоски и что навстречу ей понесётся волна Зова. И что, когда они встретятся, Махатма появится из небытия и сердце моё обретёт утерянное за семь лет одиночества счастье. И если это произойдёт, то ещё более сложная жизнь ожидает меня – быть сотрудником Махатмы, самая сложная жизнь из всех. Я знал всё это, но был очень молод, чтобы мыслить категориями многих лет, так что мои планы дальнейшей жизни можно было описать так: «просто жить».

Семь лет спустя

Жизнь шла своим чередом. Семья, купленная недорого квартира, работа… За эти годы многое удалось сделать. Удалось остаться независимым – сам себе хозяин. Трое прекрасных детей. Это уже неплохо. Но неудовлетворённость жизнью стала давать о себе знать всё чаще. Не для того живу. В 2005-м съездил на Селигер. Из старых участников было человек пять, остальные – новые. Отрывались и хохмили всю дорогу. Рассказывал спутникам особенности прошлой поездки, сочиняли песни. Устроили смотр самодеятельности - придуманная мною миниатюра победила в конкурсе, что очень обидело фаворитов – молодую семейную пару, жаждущую реванша. Но мне были далеки их детские эмоции.
Вообще, всё было не в радость. Вообще, всё. Летом 2006 года потянуло почитать Письма Махатм. Удивительная книга! Большей мудрости трудно найти в этом мире. Читая, ловил себя на мысли, что всё это было и в моей жизни, а сейчас нет. Стало даже казаться, что приключения 1999 года были какой-то шуткой или иллюзией. Горечь прибывала, а счастье ушло.
Как я понимаю сейчас, Махатмы испытывают лишь сердце человеческое. Если мирское будет питать и приносить наслаждение, то не готово ещё сердце к великому. Но так понимаю я сейчас. А тогда просто не было того, что было бы по душе. А что дальше?
Весной сильно болел. Температура не отпускала. Посмотрев на компьютер, попробовал писать. Что-то вроде эссе об Атлантиде, ведь что-то да знал, а другие не знали об этом ничего. Когда прочёл, то понял, что это слишком убого, чтобы кому-то показывать. Летом топил себя в работе, но осенью и на работе появились проблемы, а оттого горечь стала вообще нестерпима. Нет радости в жизни, одни проблемы, и нет осознания – ради чего жить. Жить всей душой, словно мчаться на коне на полном скаку, как показывали те облака в Шигацзе, как летел тот огненный шар над чёрным полем на Селигере. Как показала жизнь, существование обывателя – не для меня.
В декабре появилась идея прочесть письма Учителей Мудрости – то же, что и Письма Махатм, но к другим корреспондентам. Зацепили такие слова, адресованные Олькотту, что он понял мысль, внушённую ему Махатмой.

Я сидел с книгой в руках и думал: а вообще, знают ли Махатмы о моём существовании или в моей жизни более не будет момента общения с Ними? Для меня это было очень важно. Пожалуй, это было самое важное. Если да, будут – то жизнь моя должна в корне измениться, потому что так дальше жить я не мог. Я ходил с этой мыслью несколько дней.
Начался новый, 2007 год, а я всё ходил и думал о том, как понять мысль Махатмы. Ну, ведь Олькотт, при всей его неспособности, мог. Так почему я не смогу? Прошло уже много лет с момента поездки в Тибет, но она была самым ярким событием моей жизни. И те понимания, что я вынес тогда, были самыми важными в моей жизни. Всё остальное лишь пыль - так понял я тогда.
Новогодние праздники тянулись и тянулись, делать было нечего, и тут мне пришла мысль, яркая, как комета на ночном небе: надо искать общения в инете. Должны же быть места, где люди просто собираются и общаются? Не может быть, что такого не было.

Подсоединив ноутбук к мобильному телефону, я набрал в поисковике: «душевное общение». Яндекс выдал сайт, где было написано, что это – форум. Интересно, подумал я, что это за слово такое – «форум»?
Быстро освоившись, я начал писать, спрашивать, отвечать. Мне понравилось. Даже переживал из-за неприятных минут общения...
И вот на второй неделе после знакомства с форумным общением, подойдя к ноутбуку, я окаменел. Вдруг, ни с того ни с сего, я почувствовал на себе взгляд. Тот самый, что я чувствовал в Непале и Тибете почти восемь лет назад! Этот взгляд буквально приковал меня к месту, и я сидел на стуле, боясь пошевелиться. Он опять пришёл! Он не забыл про меня! Сердце моё боялось биться, чтобы не вспугнуть это внезапно нахлынувшее на меня счастье! Опять, как тогда, в мою душу вдруг ворвался вихрь торжественности и почитания Махатмы. Я вновь ощутил всем своим естеством, сколь Он высок в своей святости и всепланетности. Слёзы счастья потекли у меня из глаз. Я дождался!
Его мысль, прозрачная, как алмаз, и чистая, как слеза, была лишена формы слов. Но всё же весь смысл её долетал до моего восприятия, как выпущенная умелым лучником стрела. Я понял Его желание. Словами это можно было бы объяснять долго, может, час, а может, и два. До некоторых не дошло бы и за день, но я понимал сразу и всё - такая способность понимать Его мысль была воспитана во мне в Тибете.
Он желал, чтобы я нашёл в пространстве Интернета место - форум, посещаемый, противоречивый, где бы участники (несколько десятков посетителей) обсуждали Махатм и Их периодические появления среди людей, а также Учение Махатм, которое выдавалось периодически среди разных народов и всегда становилось основой для новых религий. Это обсуждение мне надо было найти и принять в нём участие, органично войдя в круг этих людей. Зачем? Об этом Он донесёт до меня в другой раз. Потратив несколько дней на поиски, я случайно узнал о таком месте. Зарегистрировавшись как «Маленький лев», начал писать.
О чём я мог написать в теме, посвящённой Махатмам и их ученикам во всех веках? Конечно же, о своём опыте. Но мне было указано не разглашать его пока, а говорить как бы со стороны.
Как я понял, так я и сделал.